

АВСТРАЛИЯ

СТРАНА ПОТЕРЯННЫХ МИФОВ

2013

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

«Ну, как там жизнь в Австралии?», вопрос моего далекого московского приятеля неожиданно поставил меня в тупик. «Как? Да, ничего,... нормально!», смутился я и быстро перевел разговор на другую тему. Разговор о жизни после пятнадцатилетнего перерыва дело непростое, и, к сожалению, наше общение угасло, когда я узнал, что мой старый знакомый разбогател так хорошо, что гламурный уровень жизни позволяет ему смотреть на мир совсем другими глазами и считать наличие старушек в дорогих московском кафе главным показателем уровня жизни России. Однако, вопрос крепко засел у меня в голове: а, действительно, какая жизнь в Австралии? Как она выглядит со стороны, да, и вообще, что современный гражданин России знает об Австралии? Чтобы ответить себе на этот вопрос я обратился к «первоисточникам», в первую очередь к Интернету, где еще десять лет назад я сам яростно защищал доброе имя своей родины на иммигрантских русскоязычных форумах. Результат показался мне интересным. Оказалось, что удовлетворение жизнью у русского человека в Австралии, как, впрочем, и в других странах, является делом времени. После приезда в новую страну обычно наступает период эйфории, когда человек просто обожает все новое и необычное, особенно, если это теплый океан, синее небо и пальмы, что у жителя России прочно ассоциируется с хорошим заморским отдыхом. К этому следует прибавить удовлетворение завершенностью проекта, когда сбрасываешь с плеч тяжелую, обременительную ношу бюрократических препятствий, взяток, визовых препон, таможни и длительного перелета. О старом не хочется думать, и вполне логично, человек смело смотрит вперед, в свое светлое энергичное будущее. Однако, период счастливых сноведений заканчивается быстро, и чаще всего продолжается не дольше стандартного рабочего отпуска. Очень скоро прибой и пальмы начинают надоедать, особенно, если дела в новой стране пребывания идут не так гладко. Проблемы с деньгами, работой, жильем быстро строят новые преграды, и, если, иммигрант не обладает значительными привезенными средствами, жестко отбрасывают искателя приключений назад. Период австралийской «стабилизации» во многом зависит от человека: от его способности адаптироваться и перестроиться, чтобы начать новую жизнь, и иногда растягивается на долгие годы. Поиски, ошибки, нерасчитанные силы, неправильный выбор места и работы, учеба и снова поиск работы – все это сливается в один долгий стресс, который, как любая психологическая травма, оставляет в душе свой след. Конечно, есть примеры быстрого успеха, когда мигрант сразу находит свое место, работает по профессии с первого дня получает хорошую зарплату, но, увы, так бывает не у всех. В этот «стабилизационный» период отзывы о стране пребывания не всегда бывают радужными, и, пожалуй, больше всего жалоб вы услышите от иммигрантов со «стажем» до трех лет. Здесь нередки случаи возвращения в Россию, когда люди просто не выдерживают напряжения. Однако, со временем все налаживается, работа находится, доход растет, дети устроены и есть крыша над головой. Мнение об Австралии снова становится положительным с небольшими оговорками и комментариями. Пройдут годы, и человек забудет свои невзгоды, новый континент станет родным, воспоминания о России будут бледнеть, и жаловаться на почти родную страну уже не будет иметь смысла. Полное удовлетворение жизнью у иммигранта, по моим наблюдениям, наступает позже, в конце жизни, когда дети выросли, закончили университеты и разлетелись, вправду считая себя полноценными австралийцами. Тут человек берется за перо и пишет книгу об Австралии, которая отпечатана на «розовой» бумаге и приторна на вкус, ибо все в ней радужно и благопристойно.

Сидней, 2009 год. Фото автора.

У летчиков есть такое понятие – точка возврата, когда еще можно все поменять и вернуться назад. Жизнь иммигранта – это тоже своего рода полет, рискованный, отчаянный, полный надежды на успех, в котором есть своя точка возврата. Возврата на родину, к обычной, пусть, не самой лучшей жизни в России. Пройдя эту точку, которая у каждого человека своя, ты начинаешь понимать, что возврата нет, и на старой родине ты жить уже не сможешь, а быть «двойным» иммигрантом под силу далеко не каждому. Именно в этот период человек свыкается со своей новой страной и перестает быть объективным к окружающей действительности. Еще немного, и упоминание о России станет вызывать у него безразличие, если, не раздражение, и своих русскоязычных читателей доморощенный «летописец» будет считать потрясающе неосведомленными. Чтобы не повторять чужой ошибки, я решил написать эти записки именно сейчас, через тринадцать лет жизни в Австралии, когда, по моему мнению, я достиг своей «точки невозврата», и у меня еще хватает объективности, чтобы рассказать российскому читателю – «как там жизнь в Австралии». Наше представление о других странах и континентах состоит из устойчивых стереотипов, навязанных средствами массовой информации. Несомненно классикой «государственного» взгляда на мир является известная фраза советского корреспондента 1970-х годов о Франции: «...я уже два часа брожу по Елисейским полям и не увидел ни одного улыбающегося лица». Приехав в страну и увидев ее живьем, человек зачастую удивляется узости и ограниченности этих представлений, и старается создать свое собственное мнение. XXI век позволил россиянам посетить многие страны мира, однако, пожалуй, только Австралия ввиду ее отдаленности осталась для многих «Terraincognita». Представления, стереотипы, часто, просто, пустые мифы об Австралии – вот, что легло в основу моих записок, прочитав которые, современный читатель, я надеюсь, немного изменит свое мнение о далеком, теплом континенте.

Миф № 1:

Австралия – рай на краю земли

Если вы спросите случайных людей по всему миру – в чем заключается счастье?, то получите довольно похожие ответы. Мир, любовь, благосостояние, здоровье, будущее детей, словом, все то, что люди обычно от души желают друг другу. К сожалению, жизнь не всегда благосклонна, и множество людей в мире скитаются в поисках своего простого, человеческого счастья. Так давно сложилось, что некоторые из этих людей нашли свою долю в Австралии, далеком южном континенте, где по слухам жить очень хорошо. Насколько хорошо и всем ли, я постараюсь рассказать в этих записках, которые, как я надеюсь, дотаточнообъективно расскажут о жизни сиднейского иммигранта в начале XXIвека.

Vegemite– странная по вкусу пищевая субстанция, объявленная символом Австралии. По материалам Интернета.

До своего приезда в Сидней в 1999 году я знал об Австралии постыдно мало. Я не читал книг, как другие, не искал общения с выехавшими счастливыми в сети, и не пересматривал до дыр кассету с карикатурным «Крокодилем Данди», чтобы приехать в страну подкованным переселенцем. Я не мечтал об Австралии, как положено мечтать о земном, теплом рае, мне не снились попугаи и эвкалипты, а сонного коалу я считал прототипом советского мультипликационного Чебурашки. Я просто выезжал, выезжал из России, запутавшейся в перестроечном хаосе, удачно избежав крупных потерь в результате банковского кризиса 1998-го года. Цель была проста – получить хорошую визу, чтобы уехать навсегда, без всякого желания возвращаться, что я и сделал, и по воле случая страна, выдавшая мне свой паспорт, была именно Австралия. К слову, нередко русские, желающие иммигрировать, неожиданно сталкивались с нелегким выбором, когда получали визу сразу в несколько стран,

скажем, Австралию и Канаду, но чаще всего они ехали к тому, кто первый поставил им заветный визовый штамп. Первое впечатление от страны создается, когда ты присматриваешься к людям ее населяющим. После подозрительного внимания российской таможни, бюрократических проволочек визового отдела и вымогающего взгляда врача на выездной медкомиссии в Москве, Сидней поразил меня... безразличием. Окружающим было абсолютно наплевать на меня и на мою животную радость вырвавшегося из клетки млекопитающего. Очень быстро я понял, что в этом заключается свобода, та самая пресловутая западная «свобода», когда о себе можешь позаботиться только ты сам. Упрощенная советская пропаганда, частично взятая на вооружение в современной России, любит изображать Запад в виде неперемногого экстрима, когда все человеческие пороки обязательно должны быть выставлены на всеобщее обозрение. Безработица и нищета, наркотики и уличные протесты, без этого капитализма быть не может. Однако, существует и другое мнение. Уже целые десятилетия многие российские граждане просто и тихо живут за границей и совершенно не удивляются, что во многом европейская или американская действительность зачастую скромнее и чище разухабистой российской повседневности.

Следует признать, что никакие краткосрочные туристические или бизнес-туры не дают реального представления о стране. Дело даже не в ограниченном времени – дело в ограниченном восприятии. Приезжая, скажем, на заморский курорт, любой человек, просто, выключает свое объективное сознание и смотрит на мир упрощенно-расслабленно. Я сам, посетив в 1990-х несколько средиземноморских стран, особо не заикливался на их проблемах или истории – шел себе на пляж и обратно, приятно сознавая себя состоятельным туристом, благополучно обменяв тогда еще весомые американские доллары. На вопрос – «Понравилась ли страна?» - У! Еще как! Да, и, правда, почему бы не понравиться? Все хорошо, кругом пальмы, море, и местное население смотрит на тебя вполне положительно. Подобное ощущение вызывали мои бизнес-поездки по Европе в то золотое время, когда к положительным туристическим эмоциям прибавлялся самодовольный вкус собственной важности. Кому-то покажется это все наивным, однако, я предлагаю читателям вспомнить себя эдак лет пятнадцать назад в период первых заграничных поездок диковатого российского бизнеса. Туристического отношения к Австралии у меня не было по одной лишь причине: я туда никогда не ездил «на разведку» по туристической визе, что было популярно у иммигрантов 1990-х годов. Я приехал раз и навсегда, и с первого шага в сиднейском аэропорту почувствовал, что моя новая жизнь вряд ли будет похожа на развлекательный круиз...

Австралия – сравнительно небольшой континент, который по своей площади схож с такими странами, как Китай или США, и с довольно немногочисленным населением. Я умышленно не вдаюсь в подробности исторического развития страны, и добавлю только, что Австралия до сих пор находится в относительной юрисдикции Великобритании под ограниченным правлением королевы Елизаветы Второй. Вся история континента, который Англия вначале превратила в ссыльное поселение катаржан, наполнена борьбой за выживание и благосостояние, чего страна действительно достигла к началу 2000-х годов. Прошло больше века, но коренные австралийские жители до сих пор гордо именуют себя нацией переселенцев, словно, за это время потомки первых ссыльных так и не покорили свою новую родину. Пестрые волны заморской иммиграции наводнили страну за последние 50 лет, но новые граждане не изменили отношение коренных англо-саксов к Австралии, они по-прежнему считают себя здесь мигрантами, и иногда от них можно услышать забавную фразу о поездке в Англию, как о возвращении в Европу: «backtoEngland». «Золотая лихорадка», торговля шерстью и мясом, экспорт зерна, хлопка, руды, угля, урана создали то, что страна имеет сегодня: вполне цивилизованная страна Запада, входящая в двадцатку развитых стран под номером тринадцать. По доходам на душу населения, составляющему более 60 000 долларов США в год, Австралия занимает еще более достойное место, при том, что реальный средний доход австралийцев составил в 2011 году реальные 66 000 долларов. Много ли это или мало, я постараюсь рассказать ниже, скажу, лишь, для примера, что за аналогичный столик в шведском магазине ИКЕА цена в США ровно в два раза ниже сиднейской в силу, вероятно, австралийской особенности.

Сидней, 2008 год. Фото автора.

Поначалу особых восторгов, как я и ожидал, город Сидней у меня не вызвал. Удивляться нечему: к 1999 году я объехал многие страны Европы и даже пожил в Восточной Германии, что создало общее представление о европейской цивилизации. Австралия, с несомненно менее развитой инфраструктурой, рынком товаров и услуг, с менее образованным населением и многочисленной азиатской диаспорой, по сравнению с той же Англией, значительно проигрывала, и отсутствие исторического наследия и богатой европейской культуры успешно компенсировалось экзотическим климатом и пляжным примитивизмом окружающих. Все было, как на курорте – погода жаркая, люди непритязательны, а о работе, карьере, деньгах вообще не хотелось думать. Один мой московский знакомый спросил меня через пару месяцев после приезда: снял ли я «розовые очки» в отношении Австралии? Вопрос был далеко не праздный, трудности первого периода «давили» настолько, что тот москвич, состоятельный и вполне перспективный оптометрист, удачно продавший свое дело в России, так и не справился с иммигрантской долей, и получив австралийский паспорт, укатил обратно восстанавливать былое благополучие. Надо признаться, таких было немного, в основном, люди успешно устраивались, и лет через пять уже могли говорить о своих успехах на новом континенте. Так, все-таки, хорошо или плохо в Австралии? Возвращаясь к общей идее человеческого счастья, можно точно сказать – в Австралии хорошо многим, если, не всем. Если кому-то из читателей такой пастулат покажется рекламным преувеличением, то я готов привести несколько примеров из жизни окружающих меня людей. Я умышленно не касаюсь историй, непременно «выжимающих слезу» сентиментальных австралийцев о незавидной доле афганцев, в годах разоренной войной стране, о судьбе цейлонских тамиллов, избежавших геноцида, или африканских беженцев от голода, засухи и внутринациональной бойни гражданской войны. Я расскажу о некоторых русских, с которыми меня свела судьба в Сиднее.

Пример первый. Русская Галина приехала в Австралию по визе беженца в конце 1990-х. Надо признаться, что уже в первые годы моей жизни в Сиднее любое упоминание статуса «беженца» из России резко вызывало у меня, легального иммигранта, стойкое отвращение. (Какие «беженцы» из богатой, веселой России?!) Множество примеров злоупотребления добрыми австралийскими законами сводило идею равноправия и благотворительности к нулю, и к людям, получившим легкую «беженскую» визу, русские австралийцы относились скорее предубежденно. Однако, с Галиной все было правильно. Ее история началась в Казахстане, где она, молодой ученый-математик, работала и жила со своей семьей после распределения мужа из престижного советского университета. Работа по заказам военно-промышленного комплекса СССР предполагала неплохое будущее, твердую зарплату и рост в научной сфере. Однако, случилось непредвиденное, и Советский Союз развалился. Независимость Казахстана, «поразившая» в первую очередь Алма-Ату, выразилась в виде националистического экстремизма казахов, в первую очередь против проживающих там русских. Достаточно быстро стало ясно, что жить там молодой семье Галины будет невозможно, но последующие события не оставили времени на размышления. Однажды ночью пьяные толпы казахов устроили погром и выбросили русских вместе с детьми на улицу, в чем были, дав им пару часов, чтобы убраться из свободного Казахстана... Скупые российские ТВ новости того времени что-то упоминали о гонении русских в национальных республиках, но кто тогда обращал внимание на такие мелочи! До них ли было дело: жизнь в Москве бурлила перестроечным перегаром липового «Амаретто» и польского спирта «Рояль», и просто каждый срочно хотел стать «партнером» какого-нибудь бизнеса, как легендарный теле-герой Леня Голубков. Новая Россия не принимала новых беженцев из Казахстана, и молодая семья ученых осталась буквально на улице. Денег не было, и они вынуждены были искать пристанище везде, вплоть до отдаленных районов Подмосковья, где муж Галины, кандидат наук, работал дворником, чтобы найти угол. Официальные власти, вероятно, по указке поддерживать добрый имидж СНГ, никаких беженцев из бывших республик СССР не признавали, и в результате ни Галина, ни ее муж, не получили от нового российского государства ни копейки. В состоянии полного отчаяния от отсутствия денег, работы, квартиры и школы для ребенка, молодая семья решила на самое последнее – искать защиты за пределами страны. Новая демократическая жизнь в РФ заставила Галину, интересную, талантливую женщину стать жалким беженцем из собственной, совсем недавно еще счастливой, страны...

... Я надолго запомнил тихий, прерывистый голос Галины, когда она, нервически сжимая вечную сигарету в тонких пальцах, отрешенно указала рукой вокруг себя, и сказала: «Знаешь, я могу сглазить все это...». Я с тоской посмотрел на полуденную австралийскую публику в центре Сиднея, разморенную обеденным зноем, и больше никогда не приглашал ее на обычную в компании пятничную пьянку после работы. «She'sgotproblemswithherhusband», уверенно врал я своим австралийским коллегам, на что мужчины с пониманием кивали головой, ибо семья в Австралия является делом почти святым...

Обеденный перерыв в Сити Сиднея, 2008 год. Фото автора.

Пример второй. Молодой, русский иммигрант Игорь своим уверенным видом и радушным оптимизмом располагал к себе сразу. Выпускник Военного Института, немного моложе меня, был, что говорится, человек «из того же теста»: мы были почти ровесниками, у нас были общие темы, происхождение и веселые воспоминания казарменной учебы в московском Лефортово. Так же, как и я, Игорь прослужил в СА до полного развала СССР и, уволившись в звании капитана, после определенного поворота жизни оказался в Сиднее. Все привлекало в нем, однако, наш разговор остановился, когда мой коллега глотнул густого темного пива из высокого стакана и сказал: «Да, я по «беженской» визе приехал...». Правильно поняв мое недоумение, Игорь вздохнул и поведал мне свою занимательную историю...

...Молодой лейтенант, выпускник Военного Краснознаменного института МО СССР получил распределение в советскую Эстонию, где на передовых рубежах советской родины доблестно несли службу части радиотехнических войск. Служба шла своим чередом, и новоиспеченный капитан уже просчитывал свои дальнейшие карьерные шаги, когда случилось то, что можно было приравнять к разрушительному землетрясению на Среднерусской возвышенности: развалился СССР. По инерции первые годы новой жизни прошли в советских гарнизонах, как везде – в тревожном ожидании перемен. Все понимали, что прибалты, в особенности эстонцы, стоявшие ближе всего к вожделенной Финляндии, отправятся «в объятия Запада» очень скоро, и советская «оккупация» исконно балтийских земель может окончиться очень скоро. И действительно, новое правительство освобожденной Эстонии быстро поставило вопрос о пребывании советских войск на своей территории, в смысле: катитесь вон! Горбачевский указ о сокращении Вооруженных Сил СССР казался весьма кстати, но, как известно, данный указ поначалу хорошо работал только в Группе войск, да и, Игорю, молодому, одинокому капитану, не очень хотелось увольняться. Неожиданно бурная прибалтийская «перестройка» открыла новые возможности. Новоиспеченные государства Европы, очнувшись от своего революционного

похмелья, непременно сталкивались с жесткой проблемой кадров, в первую очередь, военных. Молодые армии «демократов» опирались на свои немногочисленные национальные кадры, резко проигрывая в опыте и квалификации офицерского состава. Эстония пошла другим путем, частично привлекая существующие кадры Советской Армии, дислоцированные на ее территории. Как бы там не решали «горячие финские парни» в новых натовских мундирах, но Игорь, как и некоторые другие русские офицеры, неожиданно получил приглашение послужить на благо новой «западной» державы. При этом никакой измены при этом не усматривалось – все решалось на взаимной основе, и российские офицеры оставались подданными и служащими ВС РФ. Получив должность на уровне офицера разведотдела округа, Игорь остался в Эстонии, хотя, вся логика событий говорила, что подобная «европейская» командировка была ненадолго. Чехарда президентских выборов, парламентская борьба и нарастающий экономический кризис в стране привел к власти в Эстонии крайних националистов, для которых наличие в родных, оплаченных Западом, вооруженных силах ненавистных русских было делом невозможным. Назрел вопрос не только увольнения, но и выдворения из страны, в которой бы Игорь, возможно, даже бы остался в ожидании новых, европейских перемен. Надежды таяли с каждым днем, и капитан решился на отчаянный шаг – подать документы на получение визы в третью страну. Перестроечный угар в начале 1990-х, поддержка новых, освободившихся государств Восточной Европы были хорошим подспорьем, и Игорь довольно быстро получил австралийскую визу «беженца» уже непонятно из какой страны...

- Здорово! – мрачновато заключил я, когда мой новый приятель перевел дух и снова потянулся за пивом.

- Да, что ты! – ответил Игорь, правильно поняв мою реакцию, - Какое пособие?! Я получил копейки за первый год, ни на что не хватило! Эх, надо было на лодке сюда грести!...

Мы не стали обсуждать несправедливость австралийской социальной системы, чтобы не портить так хорошо начавшийся вечер, и перевели разговор на более приятные темы. Так получилось, что это была наша первая и последняя встреча с Игорем, который очень скоро получил повышение на государственной службе и уехал трудиться в столичную Канберру вместе со своей японской женой...

Сидней, Сити, 2008 год. Фото автора.

Пересказывание иммигрантских историй, возможно, не самый лучший рассказ о стране, однако, они дают некоторое представление о людях ее населяющих. Этим историй множество, как и людей их рассказывающих, однако, в них всегда присутствует два элемента: проблема и случай. Я неоднократно задумывался о себе – чего мне не хватало в Москве? Зачем я поехал в Австралию? И ответ был все тот же: проблема и случай. Моя личная проблема крылась во мне самом, когда еще нерастраченные амбиции и жизненные силы сороколетнего, неплохо устроенного москвича столкнулись с нарастающими требованиями перестроечной жизни. Когда потребности стали обгонять доходы, а приближающийся кризис середины жизни добавлял адреналина не только в кровь, но и в мозговые клетки, я оказался в той ситуации, которая делает среднестатистического русского мужчину замороженным героем. Можно долго ссылаться на неустойчивость существования в России, ошеломляющий банковский «дефолт» 1998-го года или криминальный беспредел столицы, но все это будет отговоркой, потому что все мы тогда ни черта не боялись и с азартом запасались тушенкой в банках, так, на всякий случай. Причина была внутренней: я, просто, достиг своего предела, денежного, должностного и даже амбициозного, после чего необходимо было видеть новые горизонты. Покупка новой машины или даже большой московской квартиры не сняло бы проблемы, для решения которой мне нужны были совсем другие жизненные стимулы и стиль существования. Так получилось, что для того чтобы сохранить привычный, необременительный образ московской жизни мне пришлось совершить солидный прыжок во времени и пространстве, чтобы на вопрос «Как ты живешь?» уверенно ответить - «Точно так же, как жил в Москве!» А, то, что теперь моя страна – Австралия, так, в этом виноват господин Случай. Что же, получается, что я – еще один переселенец, которому в Австралии стало хорошо, или вернее – стало так же хорошо, как было в Москве...

“...And take your music with you! Uh - uh – ah!...” грохот бессмертного австралийского хита разрывал полумрак большого, холодного складского куба сиднейского отдела фирмы DHLInternational. Заказанная в двадцать четвертый раз песня в эфире молодежной радиостанции TripleM вызывала устойчивую головную боль. Неожиданно черный резиновый конвейер застыл, гул мотора стих, и восторженный английский треп радиодиджеев стала еще громче. «Фак!» машинально выругался я и посмотрел на Скотта, смешного местного парня в толстых очках с внешностью вечного студента, который стоял за соседним столом и лениво скидывал на черную ленту большие пластиковые конверты международных отправок со знакомым до боли бордовым логотипом. Я с тоской посмотрел на отчаянно болевшие в суставах пальцы с глубоко вьевшейся складской грязью, вытер руки о красную форменную майку и тяжело вздохнул. Часы показывали девять вечера, до конца смены было еще долго, и я решил выйти на воздух, хотя «воздух» был везде, ибо огромные провалы-въезды на склад никогда не закрывались. Стоял июль, разгар местной зимы, на улице было тихо и промозгло холодно, плюс восемь, и влажный ночной ветер забирался под легкую курточку с вышитыми буквами. Я посмотрел вверх на незнакомые звезды, отыскал Южный Крест и в который раз задумался о своей жизни...

Грузовой самолет фирмы DHL. По материалам Интернета.

...Переходный период оказался трудным. Я прекрасно понимал, что в сорок лет начинать новую жизнь за границей может оказаться мучительно сложно, но кто из нас не надеется на лучшее! Я не стал терять времени, и в апреле 1999 года, сразу после приезда в Сидней, пошел работать. Можно по-разному относиться к моему выбору, но я пошел логичным путем. Я отправился в компанию DHL, компанию, в которой я работал в Москве последние пять лет, и из которой я ушел за три дня до вылета в Австралию. Моя прошлая должность логистик-менеджера по России вселяла некоторую надежду, однако, реальности нового континента были жесткими. Мне хватило десяти минут, чтобы убедиться, что красивый стеклянный кантри-офис фирмы в районе сиднейского аэропорта укомплектован на десять лет вперед, а не слишком приветливый логистик-менеджер австралиец сидел на своей должности уже восемнадцать лет. Я почти уже покинул офис фирмы, когда неожиданно в коридоре увидел знакомую фигуру – молодого финансиста, голландца, которого я знал по многочисленным

поездам на логистик-форумы DHL в Брюсселе. Он радостно окликнул меня, мы разговорились, как старые приятели, случайно встретившиеся на чужой земле. Через пару минут я уже знал, что голландец развелся с женой, бросил все, и приехал на высшую финансовую должность в Сидней, чем он очень доволен. Поинтересовавшись моими делами, он только покачал головой и сказал, что найти работу на фирме в Австралии очень трудно, если только не перевестись по контракту. Однако, он пообещал что-нибудь сделать, попросил подождать и скрылся в кабинете директора австралийского отделения фирмы DHLInternational. Через пять минут я был снова представлен логистик-менеджеру компании, уже как новый сотрудник, правда, как рабочий экспортного склада, на что менеджер криво улыбнулся и вяло произнес избитую в таких случаях фразу: “Welcomeaboard”... Так получилось, что блестящей карьеры в своей старой-новой фирме я так и не сделал, и гордая пролетарская должность рабочего стала завершающим этапом моей деятельности в DHLInternationalPtyLtd. Все пол-года тяжелой, физической работы на складе меня не покидало странное чувство выплаченного долга, как-будто я отработывал все то замечательное, сытое время в веселом московском офисе фирмы DHL и многочисленные оплаченные бизнес-туры в Европу...

...Гортанная английская речь «оззи» вывела меня из размышлений, и, обернувшись, я увидел Мэтью, противного шпанистого парня, который терпеть не мог иммигрантов. Пробурчав какую-то непереводимую гадость в пространство, парень уселся на стопку деревянных палет и закурил. Я не стал переспрашивать, потому что в ответ услышал бы такую же гадость, и вернулся на склад, где под гулкие крики рабочих шустро бежал конвейер. Вернувшись к своему сканеру, я посмотрел на Скотта, с которым у нас сложилось взаимное понимание, на что тот только молча помотал головой. Мы поняли друг друга без слов, ибо была пятница – день, который на складе был самым тяжелым, но с небольшим сюрпризом.

В углу склада, возле умывальников, по пятницам появлялась большая пластиковая ванна на колесах, доверху наполненная льдом. Под слоем льда доходили до приятной холодной кондиции бутылочки легкого австралийского пива, которое покупалось для рабочих на деньги компании. Сама по себе идея алкоголя во время смены поначалу удивляла меня, но все воспринимали заботу руководства нормально, и вскоре я сам ожидал возможность «нырнуть» в ванну не меньше других. Пиво по идее предназначалось уставшим курьерам, которые после 10 часов за рулем могли пропустить по бутылочке безобидного легкого пива. Ветераны склада, покупавшие пиво на всех, стали немного «опаздывать», и большинство курьеров в пятницу спешили домой, не дождавшись “complimentarydrink”, и основная часть ледяных бутылочек оставалась на складе.Самой команды не было, все продолжали работать, зорко наблюдая когда супервайзер и ветераны потащутся к «водопою». После этого мелкие сотрудники могли выловить бутылку-другую себе. Мы с Скоттом стояли к ванне ближе всех, и, изобразив поход в туалет, научились хитро ловить бутылки в ледяной воде, не привлекая особого внимания. «Джейсо-о-о-а-ан!» разнеслось под гулками сводами, и худая, длинная фигура в рваных шортах, грязной форменной майке и стоптанных ботинках с металлическими носами прыжками направилась к заветной ванне. Джейсон, добрый парень с фантастической работоспособностью по погрузке тяжестей, выловил шесть скользких бутылок, и, завернув их в майку, привычными прыжками направился в дальний угол, где его поджидала маленькая компания ветеранов склада, которые занимались загрузкой огромных алюминиевых авиационных контейнеров, в которых перевозится весь груз на самолете. “Now!” скомандовал Скотт, привычно поправив грязным пальцем очки на переносице, я распрямил постоянно ноющую в пояснице спину и отправился в заветный угол, где постепенно собиралась складская молодежь. Мы деликатно открыли по бутылке и неспеша вернулись к своим местам, продолжая одной рукой сканировать пакеты. Главное было начать отлов пива сразу после убытия со склада многочисленных курьеров DHL на своих *вэнах*, после которых пива в ванне оставалось еще много. Алкоголь в Австралии действует на голову совсем по-другому, и после третьей бутылочки легкого пива я ощутил приятное расслабление. Продолжая работать, мы с приятелем прикидывали осталось ли еще пиво на дне, потому что теперь процедура «лова» была несколько осложнена. Особо страждущим приходилось все снимать с себя, чтобы опустить голую руку по самое плечо и под плотным слоем льда шарить на дне ванны. Раздеваться мне не хотелось, и я продолжал монотонно сканировать мелкие посылки, когда неожиданно ко мне обратился один из ветеранов – невысокий, немолодой мужик, Питер, которого в России никто бы и никогда бы не принял за иностранца. (Прав был старина Карл Маркс, утверждая, что пролетариат во всем мире очень похож!) Общались мы мало, и добрый Питер, подозревая во мне безязычного, как положено, «сырого» иммигранта, говорил громко и просто, подтверждая свою речь внушительными жестами. Подивившись моим знаниям языка, рабочий неожиданно пригласил меня в свой угол, где я заметил стоящего Джейсона с красно-кирпичной рожей и бутылкой дорогого местного пива «корона», обернутой золотистой фольгой. Работа на

«кэнах», как на сленге называли авиа-контейнеры, была очень тяжелой, продолжалась далеко за полночь, и на маленькие расслабления во время работы руководство смотрело сквозь пальцы. При моем приближении мужики загудели, и некоторые пробурчали что-то неодобрительное Питеру, но старый рабочий только хитро ухмылялся. Завернув за стопку деревянных палет, стоявших в полутемном дворе, Питер наклонился за сидение автопогрузчика и извлек металлическую фляжку, которую передал мне с заговорщицким видом: *Drink!* “*Russianvodka!*” хрипло хохотнул Питер, и по розам зрителей я понял, что от меня требовалось выпить. Выпить я был совсем непрочь, однако, делать это во время смены я не собирался. Отступать было некуда, и я спокойно хлебнул из фляжки, абсолютно не опасаясь за себя в стране, где настоящую водку пьют редко, а употребление чистого спирта, желанного напитка на огромной территории Сибири и Дальнего Востока, считалось чистым самоубийством. Жидкость мне неожиданно понравилась, это был чистый домашний самогон с непривычным сладким ароматизатором. “*Good!*” сказал я, не моргнув глазом, и зрители удовлетворенно кивнули, потому что шоу не получилось, и “*crazyRussian*”пил, естественно, все, что горит. Питер отнял у меня фляжку, и я с сожалением почувствовал, что мне пора идти к своему конвейеру.

Погрузка контейнеров-«кэнов» в самолет DHL. По материалам Интернета.

Время приближалось к одиннадцати, и я уже было собирался домой, когда произошло неожиданное. Прибежал Джейсон, мужики озобоченно загудели, и в сопровождении супервайзера рванули в ночную тьму двора. Вездесущий Скотт тут же злорадно сообщил мне, что Джейсон, лихо завернув на повороте дороги за светофором, уронил контейнер с грузовика, который направлялся в аэропорт. Начальство побежало оценивать ущерб и спасать контейнер, но я неожиданно проявил себя в нужном направлении. То ли смесь пива с алкоголем в голове сработала, но я действовал быстро. В два прыжка я оказался на погрузчике, (лицензия у меня к тому времени уже была), и на максимально возможной скорости я выскочил на дорогу, ведущую в аэропорт. Движения в поздний час было мало, и только редкие такси обгоняли меня. Задача была проста – обогнуть длинное здание склада, и на повороте, возле офиса экспортного отдела, передать погрузчик в руки лихого Джейсона, который управлялся с ним гораздо быстрее меня. «Нет! По дороге нельзя!..» услышал я за спиной отчаянный голос супервайзера, но я уже был далеко, хотя мысленно полностью с ним согласился. Если бы случайная полицейская машина увидела мой рывок, компания имела бы очень большие неприятности. Погрузчик отчаянно жужжал на пределе своей скорости, и через несколько минут я, не ожидая зеленого света, свернул на темную улицу, где на дороге возле нашего плоского грузовика валялся большой алюминиевый контейнер. “*Thanks, mate!*” раздалось откуда-то сзади и я едва успел спрыгнуть с сиденья, когда Джейсон, дыхнув на меня добрым самогонным перегаром, рванул погрузчик вперед. Я посчитал свою миссию спасения выполненной, и спокойно отправился на склад к своему постылому конвейеру, где Скотт встретил меня ехидным взглядом и нагретой бутылочкой пива, вытащенной откуда-то из его бездонных, серых штанов...

Кстати, тот случай дошел до высокого начальства, и удобное всем позднее распитие на складе посреди смены было запрещено. Пивной праздник решили перенести на конец смены, но, поскольку народ начинал работать в разное время, решение было отложено до лучшего времени, и к августу 1999-го года о пиве на складе все только вспоминали и тихо матерились.

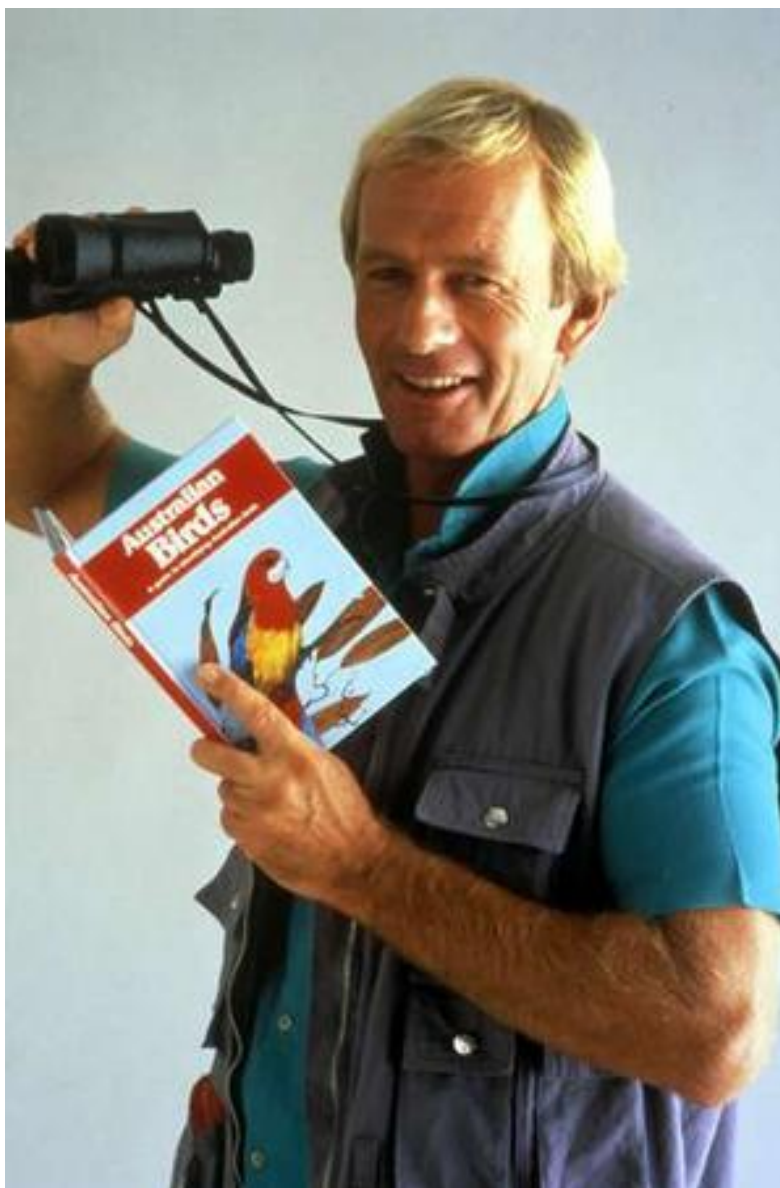
Как и любой опыт в жизни, мой первый, самый тяжелый период жизни в Австралии, был чрезвычайно ценен. Я по воле случая столкнулся с людьми, с которыми вряд ли бы встретился по своему желанию. Я выполнял работу, которую я вряд ли бы делал по своему выбору, и мой первый австралийский опыт навсегда остался со мной. Мне уже не надо объяснять психологию простых австралийцев, местного рабочего класса, людей, в общем, добрых и безбидных, с обостренным чувством социальной справедливости и своеобразной, наивной гордости за свою страну. Самое ценное, что мне удалось приобрести на складе своей родной DHL, это, пожалуй, первые навыки местного английского языка «оззи» и полезное умение посылать всех куда подальше с использованием самых сильных оборотов английской речи. Через шесть месяцев тяжелого складского труда я покинул DHL и отправился искать счастья в прикладной логистике, найдя себе должность таможенного декларанта на маленькой, частной брокерской фирме. Но это уже другая история.

Миф № 2

Австралия – страна «белых» иммигрантов

Расхожий штамп, что Австралия страна иммигрантов я слышал давно. Я избежал общения с будущими русскими мигрантами в Москве поэтому создавал свое собственное мнение уже в Сиднее. Не знаю почему, но фраза об Австралии, как о стране переселенцев, всегда вызвала у меня легкое чувство неполноценности, словно, говорили о чем-то неустроенном, бедном и грязноватом. Приехав в страну, я быстро убедился в поверхности такого утверждения, ибо австралийское общество, как и везде в мире, состоит из разных слоев и групп населения. Современный имидж жителей далекого континента начал складываться в семидесятых годах прошлого столетия, когда лейбористское правительство Уитлама широко «открыло двери» азиатской иммиграции, которая навсегда разбавила вполне «белую» Австралию. Особых столкновений или протестов подобный шаг «заботливого» пролетарского правительства в благодушной сонной стране не вызвал, и очень скоро в Австралии появились многочисленные азиаты, создающие, как везде в мире, свои компактные поселения, типа «чайна-таунов». С того времени начинается большая история азиатской Австралии, которая к XXI веку стала играть все большую общественную роль, к которой мы вернемся позже. Так, кто же они, современные австралийцы?

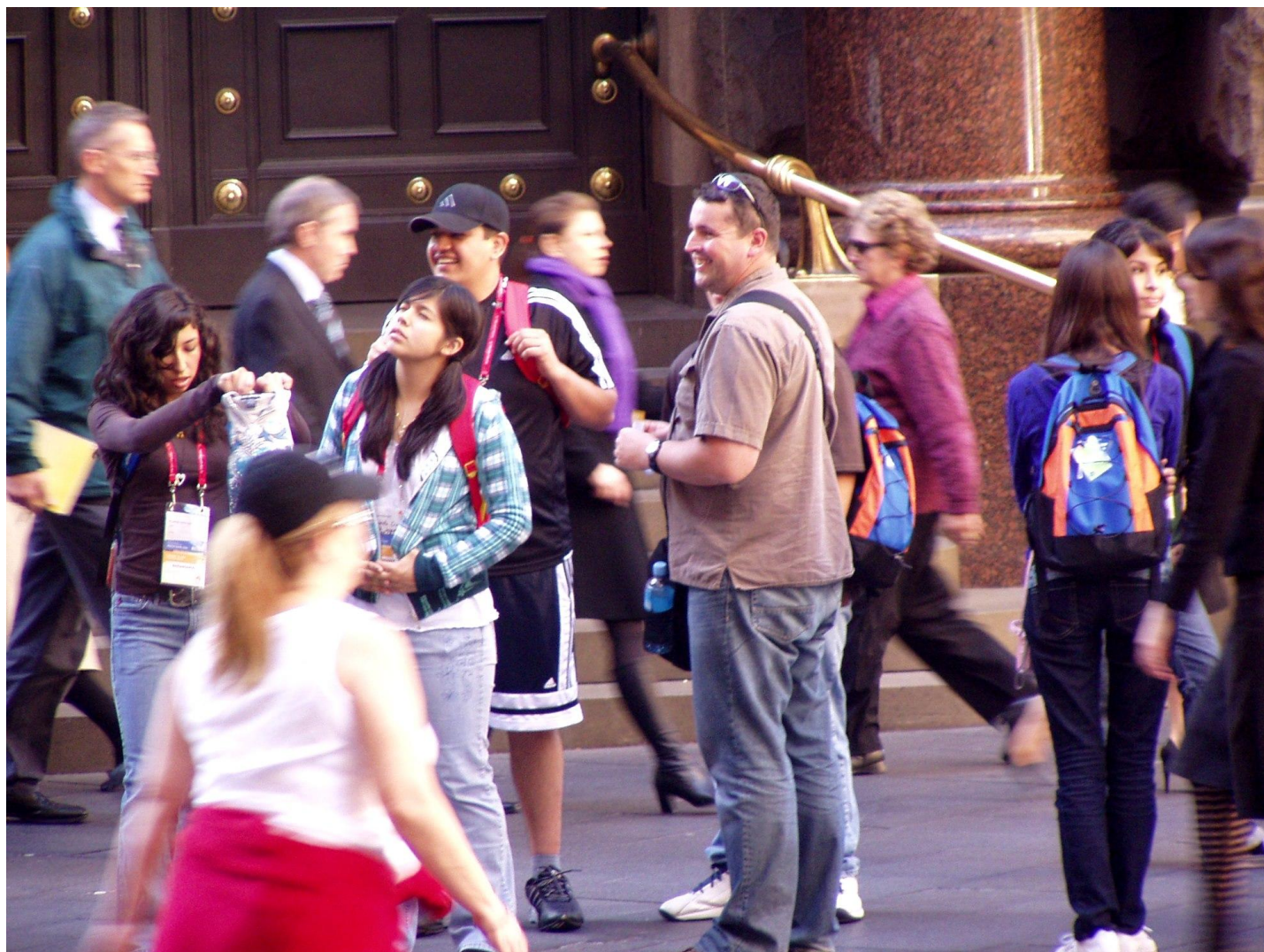
Известный комедийный актер Пол Хоган, знакомый всему миру, как Крокодил Данди, долгое время был «лицом» Австралии, не смотря на тот факт, что на родине он не появлялся десятилетиями, и у властей Австралии был ордер на его арест. По материалам Интернета.

К первой, наиболее известной группе населения, можно отнести «белых» австралийцев, далеких потомков английских и ирландских поселенцев, чей криминально-каторжный образ со временем получил вполне романтических оттенков. Этот рекламный австралийский типаж вы можете увидеть довольно часто. Мужчина-фермер в широкополой шляпе, наподобие американской, изображен на фоне засушливых полей, фермерских построек или даже виноградников. Достаточно живуч и слегка устаревший образ охотника за крокодилами, типа все того же неугомонного Крокодила-Данди из карикатурного голливудского фильма. Не удержусь, и напомним, что известный комедийный актер, сыгравший так полюбившегося всеми хитроватого «Данди», Пол Хоган не появлялся в Австралии до середины 2000-х годов, где он находился под следствием за укрытие многомиллионных голливудских доходов от местного налогообложения. Однако, новый век изменил ситуацию, и несколько громких дел, включая злополучные налоги «Данди», тянувшихся десятилетиями, были благополучно закрыты. Вероятно, нынешнее поколение австралийцев научилось прощать долги. Основу благосостояния континента в середине прошлого века составляла сельско-хозяйственная продукция, в основном, шерсть, мясо, хлопок и даже зерно, за что местным фермерам надо отдать должное. Австралийский климат, в основном засушливый и ветреный, доставляет множество сюрпризов, и, как это случилось в середине 2000-х, порой приносит губительные наводнения на обширные, равнинные территории. Труд фермера везде тяжел, и, если вспомнить, что в кризисные годы рыночного кризиса 1970-х годов Австралия была спасена экспортом шерсти в Японию, удачно переключившуюся на

натуральные шерстяные ткани для своих черных бизнес-костюмов, то считать фермера настоящим героем австралийской жизни вряд ли будет большим преувеличением. XXI век оказался губительным для местного фермерства. Глобализация производства, дешевый импорт аграрной продукции из Азии постепенно убивает былую гордость континента. В первую очередь стали закрываться фермы, специализирующиеся на фруктах, овощах, и только мясо, хлопок и частично зерно держат высокую австралийскую марку. Фермерское население страны заметно сократилось в последнее время, и нередки случаи, когда потомственный фермер продает, к дьяволу, опостылевшую ферму и становится беззаботным свободным мастером-«трейди», который поправляет покосившийся забор старушке или «шабашит» на местной стройке. Как бы там ни было, но в современной Австралии знаменитые фермеры едва ли составляют 10% всего населения страны, которое по последним официальным подсчетам подскочило до 21.5 млн человек. К этой цифре, вероятно, можно смело прибавить миллионов пять нелегальных переселенцев, ибо перепись населения страны с ее «сопливо»-демократическими законами дело добровольное без всякого намека на принуждение. Многочисленные азиатские диаспоры, типа китайской, традиционно бойкотируют любые кампании австралийского правительства, и значительная часть населения остается просто неучтенной, просто так, на всякий случай.

Наряду с международными рекламными героями, в стране существуют другие типичные австралийцы – «оззи». Плакатного фермера, объективно представляющего известную, но весьма немногочисленную группу населения, внутренние средства массовой информации дополняют портретом рабочего-«трейди», молодого вольнонаемного пролетария, живущего за счет мелких подрядов на стройках или фермах. Интересно, что образа промышленного рабочего, исторически столь распространенного в России, в Австралии нет, словно, заводы и предприятия уже все закрыты. Однако, со временем я понял, что картина достаточна объективна, и на местных заводах вы вряд ли найдете много белых рабочих: все производства страны давно уже традиционно берут на работу многочисленных иммигрантов. В чем тут дело? Нет, работа на стройке совсем не развлечение, однако, свободолюбивые австралийцы ставят собственное удобство превыше всего, и, не связанные постоянным контрактом, работают, говоря по-русски, «шабашным» способом, тем более, что доходы вольнонаемных «трейди» зачастую превышают доходы промышленных рабочих на предприятиях. Сегодня в стране образовался своеобразный, многочисленный «клуб» молодых «белых» австралийцев, не отягощенных образованием, но умеющих приложить руки, который успешно пополняется молодыми бездельниками, с грехом пополам дотянувшими до конца школы. Среди них нередко попадаются современные «герои», которые просто безграмотны.

«Белое» население Австралии до сих пор является «правлящим» классом страны. Хитро интерпретируя навязчивые постулаты равенства во всех сферах жизни, «белое» австралийцы создали невидимую систему собственных привилегий языкового, образовательного, карьерного характера, с помощью которой средний «белый» австралиец, особенно мужчина, пользуется заметными, традиционными льготами, особенно в продвижении на руководящие должности. В современных фирмах страны типична ситуация, когда директорат компании сплошь состоит из «белых» мужчин элегантного возраста за 50, средний уровень менеджеров, идущий им на смену, также представлен местными мужчинами в возрасте «мачо», и только супервайзеры производственно-складского профиля могут быть представлены продвинутыми иммигрантами. Зато на производстве вы найдете полный «калейдоскоп» рас, национальностей и религий, всех тех, кому по мнению К.Маркса, терять просто нечего. Продвижение вперед для русских, попавших в круговорот должностного неравенства, весьма затруднителен, потому что в Австралии, согласно гордым, плакатным заявлениям, все равны, то есть, равны быть в самом низу вместе со всеми «неавстралийцами», и нередко вполне образованным людям приходится довольствоваться мелкими офисными должностями, благодаря судьбу за большую удачу. Вам вряд ли удастся завести крепкую дружбу с настоящим, современным «оззи», но, если это все же случилось, можно спорить, что в жизни этого австралийца что-то не так. Все люди, с которыми мне удавалось плотно общаться в Сиднее, были по-своему сломанные судьбой или принадлежали к известному разряду слегка занудных недоучек-самородков, которые по своей австралийской неполноценности начитались русских книг и знают про Россию немного больше, чем обычные – «Сталин, водка, и пьяный Ельцин».

Сидней, 2008 год. Фото автора.

Вторую многочисленную группу австралийского населения составляет разнообразная азиатская молодежь, родившаяся в Австралии и отличающаяся от «белых», вероятно, только цветом кожи и разрезом глаз. За последние годы подросли миллионы азиатских «новых оззи», которые внутри и за пределами страны ревниво защищают свое право быть полноправными хозяевами жизни, и, беря во внимание их усидчивость и талант в учебе, можно смело сказать, что в их руках будущее континента. Престижные школы, колледжи и университеты Австралии плотно заполнены австралийскими азиатами, которые уверенно карабкаются по карьерной лестнице, все больше составляя конкуренцию избранным «белым» менеджерам. Банковская сфера, IT, медицина и наука страны – сферы, где традиционных австралийцев почти не осталось. Трудно сказать точно сколько всего в стране этих местных азиатов, однако, по своей значимости они несомненно занимают второе место после традиционно правящей элиты англо-саксов. По своему поведению, системе жизненных ценностей, отношению к жизни и семье «новые» азиаты не очень отличаются от настоящих «оззи», кому они всеми силами подражают, поэтому, скажем, на любой корпоративной пьянке вы легко обнаружите развеселых желтокожих юношей и весьма развязных черноволосых девиц, пользующихся среди «белых оззи» большим спросом. К сожалению, этнические группы молодежи легко подвергаются негативному влиянию, и в ухудшающейся с годами криминальной статистике страны постоянно звучат неанглийские имена. Так, в руках китайской и вьетнамской мафии Сиднея импорт наркотиков, торговля нелегальными товарами и проституция, в руках ливанцев – оружие и уличная торговля наркотиками, а у потомков гордо развалившейся Югославии – зланный Кингз-Кросс и банды байкеров, которые при помощи местного телевидения стали просто романтическими героями.

К третьей, не менее многочисленной группе следует отнести всех иммигрантов, приехавших в страну при жизни. По австралийской классификации это люди «не англо-язычного происхождения» - “non-

Englishspeakingbackground”», что по сути является официальным пунктом должностной дискриминации. Языковой барьер, по английской традиции, самый корректный способ ограничить продвижение чересчур образованного мигранта к ключевой должности, поэтому «американские трагедии», когда европейский профессор водит такси, а классический музыкант вкалывает на стройке за «нал», в Австралии можно встретить сплошь и рядом. К этой категории сразу следует отнести армию неавстралийских дедушек и бабушек всех цветов кожи, которые в силу возраста не склонны учить упрямый английский язык и доживают свой век тихо, не мешая продвинутым детям и внукам искать свое место в Австралии. Типичен случай, когда молодые иммигранты из Европы своим усердием и волей вживаются в незнакомую действительность, но их отношение к родному языку и культуре резко меняется, когда родившиеся в Австралии дети идут в местную школу. Родной язык в доме постепенно умирает, и только старики, привезенные с родины, до своей смерти поддерживают культурное наследие, и их уже совсем австралийские внуки еще помнят пару слов на забытом языке. Бравировать своим европейским или русским происхождением местная молодежь не любит и старается быстро забыть бабушкин «мертвый» язык, чтобы ничто не мешало им в жизни принадлежать к белой элите «оззи». Поэтому, если в местном компьютерном адресе встретится какая-нибудь NatChernoff, то вероятнее всего это обычная австралийка, не очень любящая распространяться о происхождении своей фамилии. В последние годы ряды плохо говорящих по-английски людей значительно пополнились индийскими переселенцами. В результате спорных решений местного правительства приток индийской иммиграции сильно вырос за счет прямых переселенцев и студентов, которые по современному закону после окончания местного университета получают в Австралии вид на жительство. В течение только двух лет в страну въехало около пяти миллионов индусов, от чего улицы Сиднея заметно «посмуглели». Если говорить о знании английского языка индусами не совсем корректно, (язык они знают с детства, не смотря на навязчивый акцент), то традиционный образ жизни, вонючая кухня и разные семейные ценности сильно отбрасывают жителей Индии назад на пути превращения в самоуверенных, независимых «оззи», о чем они особенно не сокрушаются.

Последний оттенок людского разноцветия прибавился совсем недавно, пару лет назад, когда австралийское правительство, вероятно, в вечном неполноценном желании быть, «как все», запустило в страну негров. Самых настоящих, прямиком из самых тревожных районов Африки, которые, как и предполагалось, моментально стали обузой всех социальных систем страны и прибавили криминогенности на улицы городов. Негативная реакция местных выходцев из Европы, знакомых с экзотическими африканцами, была предсказуема, однако, для австралийцев появление многочисленных семей чернокожих бездельников, расселенных по указке сверху, было делом неоднозначным. Многие «белые оззи» совершенно откровенно радуются такому прибавлению и считают прибытие негров в переполненный и без того Сидней очень хорошим делом. Не все думают одинаково, и в прессе иногда проскальзывают сообщения о протестах на районном уровне против насильственного расселения африканцев по городу, особенно после очередного изнасилования незадачливой «белой» австралийки.

Пестрая картинка сиднейского мегополиса была бы неполной без особой группы населения, с которой, возможно, и стоило бы начинать. Речь пойдет о действительно коренном населении континента – легендарных австралийских аборигенах. Совершенно отдельная этническая группа, разделенная на десятки языковых разновидностей, на сегодняшний день социально едина, и в представлении всех остальных австралийцев имеет незавидный имидж. Традиционные аборигены – жуликоватые, пьяные бездельники, неуважительно и агрессивно относящиеся ко всем другим жителям Австралии. Живущие компактно в районе Редферн, аборигены Сиднея не украшают город, а, наоборот, прибавляют головной боли властям, десятилетиями обещающим облагородить подозрительный район, расположенный в заманчивой близости к Сити. Любое столкновение с аборигенами грозит вам неприятностями, ибо все что сделает коренной житель: сорвет с плеча сумку или просто плюнет в рожу, сойдет ему с рук, а для вас грозит обвинением в неуважении к коренному населению, что в Австралии очень плохо. В районе Редферн, который внешне смотрится вполне пристойно, вам, все же, порекомендуют не оставлять машину на улице и хорошо смотреть по сторонам, так как защиты от местной полиции можно не ожидать. Отношение к блюстителям порядка Сиднея у смуглых, скуластых аборигенов сильно негативное, и несколько лет тому назад вылилось в настоящее столкновение после, как это обычно бывает, случайной гибели подростка-хулигана, который, убегая от полиции, случайно напоролся на острый пик ограды. Трагический случай выплеснул на улицы пьяную, обкуренную молодежь, и дело дошло до уличного боя, в котором отвели душу и местные арабы, и жители тихоокеанских островов, которых в США именуют «полонезийцами», и прочие субъекты, ловившие момент редкого уличного насилия. Правительство быстро решило проблему очередными денежными вливаниями

в «поддержку коренной культуры», и три года назад, после двухсотлетнего правления «белых» людей Австралии лидер лейбористского правительства страны Кевин Радд сделал беспрецедентный шаг – он сказал аборигенам «*sorry*». Непопулярное извинение премьер-министра означало много, это было покаяние за прошлое, за так называемое «потерянное поколение» - *lost generation*, тех аборигенских детей, которых насильно забрали из диких племен в начале XX века, одели, накормили, посадили за парты и буквально сделали людьми. В истории континента, как, впрочем, и везде, были мрачные страницы геноцида, однако, в целом, аборигенские племена, официально находившиеся на уровне каменного века, совершили колоссальный скачок в своем развитии, сразу оказавшись в капитализме, но сегодня этот рывок в толерантно-«зеленой» Австралии объявлен преступлением, и современное правительство совершило знаменательный шаг покаяния. Как обычно, чувственно-слезливый популизм местной власти – ни что иное, как прикрытия больших дармовых денег, выплаченных классическим бездельникам, аборигенскому населению страны. Путешествуя по стране, вы обязательно встретите плакаты, извещающие, что вы находитесь на аборигенской территории. Правовой статус земель коренного населения континента достаточно мутный: по одним слухам земля принадлежит федеральному правительству, по другим, давно продана с молотка, а аборигены просто жгут там свои костры, не вдаваясь в подробности правового статуса территории. Вокруг коренного населения Австралии крутятся большие деньги, и неудивительно, что основные лидеры аборигенского движения «белеют» с каждым годом. Вполне английские, толстые мужчины неожиданно оказываются коренными «аборигенами» и пользуются большими благами цивилизованных, финансовых субсидий и, скажем, традиционным правом «вождя» насиловать несовершеннолетних членов своего племени. В остальном быт австралийских аборигенов, вероятно, мало отличается от спивающихся народов севера России или американских индейцев в резервациях, если такие еще сохранились в США. Сегодня каждый, кто совершает долгий и дорогостоящий тур к сердцу Австралии, огромной скале посреди красной пустыни – Улуру, имеет шанс познакомиться с аборигенами в их естественной среде, дикой, голой пустыне, где в январе температура воздуха достигает +45, а в июле падает до минус пяти градусов.

Реальный уровень жизни коренных аборигенов страны австралийцы стараются не замечать и повсюду рекламируют международную помощь страны разнообразным нищим в Азии и Африке. В качестве моральной уступки десятилетиями навязывается эскиз нового государственного флага Австралии, где английский «юнионджек» заменен на аборигенский флаг. 2000-е годы. По материалам Интернета.

Пожалуй, самое удивительное, что бросается в глаза в Австралии – это вполне мирное существование разных людей, религий и укладов жизни даже в таких многомиллионных мегаполисах, как Сидней. В первые годы меня поражала извиняющаяся терпимость «оззи» к проявлениям весьма неавстралийского колорита вновь прибывших граждан, скажем, из Азии или с Ближнего Востока. Но, со временем ко всему привыкаешь, и сегодня у меня уже не вызывает внутреннего протеста китайцы, разгуливающие по Сити в пижамах или наличие молильной комнаты в новом здании фирмы, предназначенной, в первую очередь, для мусульман.

«Я сижу на поляне, Я - пятно среди белых акаций,

Я жду Мамаду, Ма-ма-ду-у-у!...»

Из репертуара группы «Манго-манго».

Длинная фигура «человека-невидимки» просунулась через узкую дверь бронированного грузовика «Бринкс» и привычным басом пропела: «Серж, ды готов?». Неповторимая интонация провинциального конференсье и сильный французский акцент Мамаду сразу развеселил меня. «Всегда готов, Мамаду, как пионер!» Черная кожа молодого, рослого негра растворилась в полумраке железной кабины, и надо мной зависла безголовая фигура в тщательно застегнутой форменной рубашке.

Оксфорд-стрит, Сидней, 2000-е годы. По материалам Интернета.

- *Yes, Mamadu!* – гаркнул я, прекрасно зная, что Мамаду не отстанет. «Эх, лучше бы ты сидел на своей поляне!» Старший маршрута что-то буркнул в ответ, и через секунду я услышал глухое бормотание на французском внутри темного, железного фургона с деньгами, из чего я уловил только ругательное «merde». Я вылез из грузовика первым и, в соответствии с инструкцией охранника-«гарда», осмотрелся. Оживленная сиднейская улица Оксфорд-стрит сверкала весенним, октябрьским утром. Солнечный понедельник вытащил на свет божий первые похмельные фигуры, которые вряд ли были озабочены выходом на работу. Оксфорд-стрит по странному стечению исторических обстоятельств являлся центром обширного гей-сообщества Сиднея, и поэтому ранние прохожие почти полностью состояли из расслабленных молодежьавых мужчин. Цель нашей поездки находилась прямо передо мной – известный гей-клуб «Стоунуолл», перед входом в который были гостеприимно расставлены столики. Я оглядел старинный фасад здания, аккуратно раздвинутые стены заведения и понял, что меня ждет интересное представление...

...Огромный, черный, как сапог, атлетически сложенный Мамаду появился в фирме «Бринкс» за полгода до меня. Рабоче-крестьянский состав секьюрити-компании не слишком приветливо встретил чернокожего иммигранта из Швеции. В 2002 году, до того, как пришедшие к власти в стране лейбористы напустили в страну псевдо-беженцев из далекой Африки, негры были в Сиднее порядочной экзотикой: их место благополучно занимали знойные папуасы с близлежащих тихоокеанских островов. Однако, чувствовалось, что экзотическому европейцу кнедоброжелательному приему было не привыкать: вряд ли, северная Европа любила негров больше, чем австралийские «майты». Мамаду просто хорошо работал. Ни больше, не меньше – честно, добросовестно и тщательно, не нарушая инструкций, чем грешили поголовно все, не смотря на опасный характер работы инкассатора. Он не лез ни к кому в друзья, не подлизывался к начальству, а на злобное шипение за спиной старался

не обращать внимание. Возможно, он проработал бы в фирме долго, но непредвиденные обстоятельства сделали Мамаду центром недоброжелательного внимания. За месяц до моего прихода на экипаж «Бринкс» было совершено нападение. У Мамаду, бывшего в тот вечер старшим-«мессенджером» маршрута, выбора не было, и он, как это обычно бывало, потерял револьвер и деньги, с которыми скрылись бандиты. Мнение коллег-секьюрити обычно поддерживало жертву нападения, дружно обвиняя руководство компании в хронической экономии средств и недостаточных мерах безопасности. Однако, с Мамаду этого не случилось, и общее мнение дружно обвинило негра неизвестно в чем. После этого случая Мамаду стал работать еще лучше и еще быстрее, доводя до иступления экипажи занудной дотошностью. Лично мне доставалось от его роста: негр двигался по улице на предельной скорости, и мне приходилось бежать за его двухметровой фигурой. Однако, я не обижался на африканца, прекрасно зная, что вся работа на маршруте будет сделана правильно, и исправлять свои недоделки нам не предстояло. Мамаду был очень замкнут, и лишь по слухам я знал, что он женат на белой австралийке и даже имел ребенка, хотя злые языки утверждали, что он женился, чтобы получить австралийскую визу. О своей деятельности в Европе негр молчал, как партизан, однако, ходили слухи, что наш милый, франкоязычный «секьюрити» трудился в скандинавской секс-индустрии. Все рассуждения по этому поводу Мамаду обрубал с угрозой в голосе, и ни у кого не возникало желания лезть в его душу, посмотрев на его грозную, лысую голову и налитые кровью белки глаз. Отношение к могучему негру среди австралийцев напоминало поведение животных в стаде, когда более сильный чужак внедрялся в их жизнь, многие недовольно шептались, но в открытую никто не протестовал. Общее «европейское» происхождение немного сблизило нас; Мамаду, в отличие от коренных австралийцев, вполне по-европейски неплохо отзывался о России, восприятие о русских женщинах возвращало на лицо негра ухмылку счастливой гориллы. Когда мы были на маршруте, Мамаду позволял себе немного расслабиться и изредка начинал излюбленную игру: очаровывание женщин африканским гипнозом. Негр выскакивал из затормозившего грузовика, посреди улицы подсакивал к выбранной жертве, и, нависнув угрожающей массой, басил: «Фо-о-о-ун!?» Дебелые австралийские блондинки теряли дар речи, готовые отдать на месте абсолютно все, беспомощно открывали рот, и после более угрожающего «Фо-о-о-у-ун!!!?» молча писали свой номер на клочке бумаги. Забавно, что под действием животного гипноза никто не разу не спросил номера самого Мамаду, и никто не записал, как стало принято сейчас, его координаты в свой мобильник. Подобная игра забавляла Мамаду, и, вероятно, восстанавливала его угнетенное в Австралии самолюбие, но истинный талант молодого негра я вынужден был признать позже, когда он умудрился отыскать загадочных русских девиц в сплошь наполненном мелкими азиатскими студентами сиднейском филиале Университета Квинсленда...

...Мамаду выскочил из грузовика, как ошпаренный и в два прыжка преодолел расстояние до входа в клуб. Я прыгнул вслед за ним, хотя, особой необходимости спешить не было: денег мы в клуб не несли. В нашу задачу входило забрать богатую выручку ночного заведения за уикенд и просто доставить ее в соседний банк, расположенный через 50 метров вдоль по улице. Руководство клуба предпочитало оплачивать услуги инкассаторской фирмы «Бринкс» и не рисковать без нужды. «Интересное» заведение ударило в нос привычным ароматом старого паба: смесью веками прокуренных алкогольных испарений. В заведении было чисто, негромко играла хорошая танцевальная музыка, и немногочисленные утренние посетители блаженно оттягивались похмельным завтраком. За отдельными столиками полу-темного зала, ближе к выходу, сидели интересные личности. Несколько мужчин подтянуто «голубоватой» внешности напряженно работали ложками, старательно поглощая английское похмельное «remedy»- желтый тыквенный суп, который по сути является жидким пюре. Все, как один, были облачены в странные при сиднейской теплой погоде длинные пальто с поднятыми воротниками и темные очки, которые, вероятно, должны были скрывать следы бурной ночи на ухоженных лицах геев. При стремительном появлении Мамаду мужчины, как по команде, замерли с ложками в руках. Явление гиганта-негра посреди бела дня, очевидно, равнялось прилету инопланетян, и аппетит выбритых джентльменов сиднейского гей-клуба был испорчен безвозвратно. Мамаду на предельной скорости преодолел зал и скрылся в «офисе» менеджера, маленькой, глухой комнате, расположенной под лестницей на второй этаж. Неформально ориентированные мужчины продолжали смотреть вслед исчезнувшему африканцу, как дети смотрят вслед Санта Клаусу, и мне вдруг стало весело: я понял, что могучий Мамаду страшно боялся... гомосексуалистов. Что ж, дело понятное – я сам в 1979 году в Риге позорно бежал от безобидного педераста!

Гей-клуб «Стоунволл», Сидней 2000-е годы. По материалам Интернета

В тесной коморке, которую лишь при очень большой фантазии можно было назвать «офисом», нас встретил менеджер заведения, высокий, интеллигентный австралиец по имени Дэвид. Личность руководителя была полной противоположностью легкомысленному направлению клуба: под аристократической внешностью мужчины, очевидно, скрывался весьма жесткий характер директора. Просто, по-деловому и быстро Дэвид передал Мамаду пакеты с деньгами и документы, пока я с интересом разглядывал стены комнаты. Все свободное место было заклеено сотнями фотографий со счастливыми лицами подвыпивших посетителей, которым, судя по всему, уже было все равно с кем обниматься. Среди безымянных сияющих физиономий я заметил несколько лиц, знакомых по телеэкрану, что, вероятно, составляло гордость заведения. Покончив с делами, Дэвид улыбнулся и предложил нам прохладительные напитки, справедливо заметив, что на маршруте пить нельзя. Тонко подмечено! Мамаду заметно напрягся и в ответ что-то промычал басом. Дэвид вопросительно посмотрел на африканца, и мне пришлось вежливо отказаться. «*Му-му, долбаный!*», с досадой подумал я, стараясь загладить неуклюжесть напарника. Мы уже собрались уходить, когда менеджер неожиданно попросил нас помочь с их денежным автоматом АТМ. Их «машину» обслуживала другая фирма, но Дэвид прекрасно знал, что все мы хорошо разбирались в аналогичных системах. Это не входило в наши обязанности на маршруте, тем более, что к чужим аппаратам нам прикасаться было нельзя, но Дэвид попал в точку: Мамаду никогда не отказывал клиентам...Негр снова промычал что-то и стал теревить козырек форменной бейсболки, что означало тяжелое раздумье. В этот момент я почувствовал, как от него стал исходить тонкий приторный запах, что означало крайнюю степень напряжения звериного тела Мамаду. Дэвид быстро посмотрел на меня, я незаметно кивнул и в спокойных глазах директора мелькнул смех.

- Не беспокойтесь, у меня есть ключ от АТМ, - просто сказал Дэвид, что привело Мамаду в состояние столбняка, и приторный запах распространился по всей тесной комнате.

- У-у... нет, это неправильно. Ключ?.. У вас есть ключ?..

Дэвид недоуменно посмотрел на озадаченного негра и просто рассмеялся.

- Нет, нет! У меня ключ только от верхней части АТМ.

Директор легко вытащил ключи из своего сейфа и с улыбкой посмотрел на меня, и, надо признаться, в тот самый момент я с подозрением подумал, что, возможно, у него есть ключи и от сейфа. Дело в том, что доступ во внутренний сейф денежной машины клиент иметь не имел права, хотя, кто их там разберет – чей это сейф и чьи там деньги? В любом случае, нам, сотрудникам инкассаторской фирмы, полагалось держаться подальше от чужих автоматов с чужими деньгами. Мамаду психовал. Резкие, отрывистые движения негра потеряли природную плавность, и со стороны могло показаться, что чернокожий «мессенджер» просто торопиться. Но, я знал Мамаду – в таком состоянии я его еще не видел. Он рвался покинуть страшное заведение, и вынужденная задержка вокруг АТМ привела его в состояние молчаливого бешенства. С грохотом открыв верхнюю крышку денежного автомата, Мамаду с привычным глухим бормотанием стал торопливо выгребать мятые рулоны чеков и голыми руками принялся отчаянно выдерать застрявшую в транспортере кредитную карточку. Я не успел остановить его, как случилась неприятность: рванув руку внутри механизма, мой напарник глубоко оцарапал руку. Мамаду взревел, как раненый бегемот, и я увидел, как на угольно-черной коже руки тускло заблестела кровь. Любую царапину на драгоценной черной коже Мамаду воспринимал, как серьезное ранение, что говорило о его чересчур ревнивом отношении к своему телу. Проклятая карточка, наконец, была вызволена, и я сам отнес ее Дэвиду, который деликатно остался в «офисе», почувствовав нешуточное напряжение экзотического сотрудника «Бринкс». Дэвид искренне поблагодарил и с улыбкой глазами показал в сторону Мамаду. *«He's allright!»* – привычно ответил я, и менеджер удовлетворенно кивнул. Мамадускомканно попрощался, схватил мешок с деньгами и прыжками направился к выходу, возле которого стояла группа заинтересованных мужчин. Не дождавшись меня, чего он никогда не делал, негр с неожиданной для своей фигуры легкостью проскользнул между гегями, и я полностью потерял его из виду. *«Fuck! Совсем сдурил!»*, дело было плохо: Мамаду в силу своих предубеждений или печального жизненного опыта (?) потерял не только голову, но и своего напарника. Он бежал по оживленной улице один, с деньгами, и в такой ситуации я приготовился к серьезному рывку, однако, догнать двухметрового негра на короткой дистанции?.. Ничего, пуля догонит! Сощурившись от света, я увидел длинную фигуру в голубой рубашке «Бринкс», в отдалении прыгавшую над редкой толпой пешеходов. Я прибавил скорость и почти бегом преодолел вход в банк, куда скрылся Мамаду. Я посмотрел внутрь банковского отделения и сразу успокоился. Возле депозитного сейфа, смешно путаясь в большой холщовой сумке, стояла молодая женщина, которая медленно бросала в прорезь узкие пластиковые свертки с деньгами. Мамаду, оказавшийся вторым, привычно навис над ней своим ростом, и я почувствовал, что напарник скоро отойдет от своего «гомосексуального» шока и спросит у нее телефон. Все в порядке! Я вышел на улицу и с облегчением вдохнул, лениво соображая обязательно ли менеджеру гей-клуба быть «голубым»... Через пять минут Мамаду, грациозно согнувшись, приземлился на скрипящее сидение в кабине грузовика «Бринкс» и с хрустом, блаженно потянулся.

- *Nowyoucanre-e-e-elax!* – пробасил он и радостно захохотал.

«Рела-а-акс свою задницу, Мамаду!», беззлобно подумал я, с завистью вспоминая круглую дамочку в банке, чей телефонный номер по обыкновению привел шведского африканца в состояние душевного покоя...

«Я сижу наполяне, Я пятно среди белых акаций...»

Блестящая карьера чернокожего гиганта закончилась так же быстро, как и началась. Вскоре после нашего исторического визита на Оксфорд-стрит Мамаду был торжественно уволен за драку. Находясь на маршруте, он не стал терпеть оскорбительные шутки мелкого, говнистого «оззи» и двинул ему в морду, находясь при исполнении обязанностей старшего маршрута при оружии и деньгах. Расплата была суровой и заслуженной, вслед за которой Мамаду потерял лицензию на оружие, лицензию «секьюрити» и в добавок приобрел регистрацию в полиции. Многие искренне сочувствовали негру, однако, среди сотрудников «Бринкс» ползли слухи, что с

предыдущей работы Мамаду был уволен за то же самое. Надо признаться, что я позже странно завидовал смелости африканца, потому что желание врезать по наглой австралийской рожке у меня возникало регулярно!

Вспоминая пестрый и одновременно совершенно однородный состав австралийских «майтов» в компании «Бринкс», я неожиданно понял – чем мне так запомнился Мамаду. Рождественская *party* австралийского филиала американской фирмы «Бринкс» в 2003 году проводилась в маленьком боулинг-клубе, куда Мамаду явился в ослепительно красной рубашке в сопровождении столь же ослепительной, молодой, темноволосой красавицы совершенно неавстралийского образца. Подвыпившая мужская компания «оззи» с удовольствием пялилась на молодую даму, по армейской традиции поддерживая удачливого кавалера. С сиявшей, как начищенный сапог, физиономии Мамаду не сползала блаженная улыбка, когда он, разглядев меня в толпе, трубно проревел «Се-е-ерж!» и потащил меня знакомить с русской спутницей. Молодая женщина была ухожена, красиво со вкусом одета и профессионально холодна. Она оценивающе посмотрела на меня ледяным, трезвым взглядом и приложила к бокалу с шампанским, с которым она появилась в комнате. «*Инга*», пропела женщина и повелительно отправила Мамаду на минутку в сторону. Мужики с завистью посматривали в нашу сторону, и в тот момент я был благодарен доброму негру за неожиданный подарок. Я хлебнул вина и обратился к Инге по-русски, ощущая вполне патристическую радость от неожиданной встречи. Женщина поставила бокал, медленно повернулась ко мне, и, продолжая улыбаться, произнесла тихо по-русски с тяжелым прибалтийским акцентом голливудской дивы: «*Если ты сделаешь Мамаду плохо, я тебя убью*». Ее тяжелый, неморгающий взгляд сказал еще больше, и почувствовал, как на меня дхнуло ледяным смрадом ельцинской Москвы начала 1990-х... Слова застряли в горле, я снова хлебнул вина и мне захотелось уйти. Разговор не получился: женщина невозмутимо тянула шампанское, с улыбкой наблюдая хмельвщую на глазах публику, изредка поправляя шикарные каштановые волосы, практически невозможные в Австралии, где все женщины разделились на крашенных блондинок и всех остальных представительниц третьего мира. Загадочная парочка не утруждала своим присутствием, и вскоре они ушли. Как многие другие, я проводил их долгим взглядом и неожиданно понял, что в них было таким привлекательным. Они были свободны. Так получилось, что Мамаду и его прибалтийская «Инга» были последним свободными «европейцами», с которыми мне довелось встретиться в Сиднее. Редкие соотечественники и разнообразные европейцы-иммигранты старались всеми силами немедленно вжиться в австралийскую действительность, подчиниться традициям и правилам новой страны как можно быстрее. Ни гордый Мамаду, ни его «русская» спутница австралийцами быть не хотели, и, хотя бы на время, были свободны от предрассудков и сложностей местной жизни. Я смотрел им вслед и чувствовал, что уходит в историю еще одна часть моей жизни – европейская. Дорожка опустела, и я разглядывал трогательно ухоженную траву пенсионерского боулинг-клуба, которую варварски топтали уже мои изрядно выпившие «коллеги», и с пьяной тоской подумал, что я уже совсем стал местным... «*Fuck you!*», раздавалось в темноте уютных квадратов боулинга, через которые с хрустом покатила драка, глупая и по-русски пьяная. Я снова хлебнул из горла и потянулся к свету.

Эх, одно слово - *fuck!*..

Сидней, Сити, 2010 год. Фото автора.

Миф № 3

Австралия – передовая страна капитализма

Моя самая первая и неожиданная ассоциация, связанная с Австралией, было ее неуловимое сходство с СССР. Читателям молодого поколения подобное сравнение покажется архаичным, но для более зрелой аудитории, надеюсь, это будет понятно. Трудно себе представить развитую западную державу, более похожую на бывшее государство «рабочих и крестьян», чем Австралия! По своей демографической обстановке, плотности населения и огромным неосвоенным территориям, южный континент больше напоминает Сибирь, чем Европу или США. Основное население расположено в благоприятных климатических зонах вдоль морского побережья, в то время, как огромная, засушливая центральная часть Австралии по своей освоенности может поспорить с российской тундрой. Отчужденность отдаленных городков, вымирание провинции в условиях глобальной урбанизации, отсутствие работы, свертывание традиционных производств в силу глобализации и медленная деградация фермерского населения - совсем еще недавно основы государственного благосостояния, - это современная картина Австралии, картина свойственная многим районам мира, включая Россию. Совсем не «по-западному» в Австралии до сих пор процветает «культ» рабочего класса, социальной справедливости и врожденной пролетарской ненависти к богатству и успеху. Первые ссыльно-каторжные принесли на новую колониальную землю внутреннее сопротивление власти и традиционному английскому эстеблишменту. Как и в России, местные работяги до сих пор недолюбливают полицию, однако, по-европейски признают ее право на власть, и даже пьяные в драку с блюстителями порядка обычно не лезут. Гораздо большую ненависть, к примеру, у местных трудящихся вызывают ограничения дорожного движения, и государственные «спид-камеры», камеры превышения скорости, которым частенько достается, даже в виде хорошего ружейного заряда. Свобода для современного австралийца заключается в его праве «делать, как все», как считается правильным в его социальной группе или окружении. Например, местная молодежь безропотно дает обыскивать себя полицией, имея в кармане наркотики, когда избежать обыск несложно, наивно полагая, что они делают, «как все». Средства массовой информации страны негласно поддерживают имидж свободного австралийца, включая такие его пороки, как наркотики, по умолчанию поддерживая идею наказания за них, как что-то неправильное, «не австралийское».

A tradie's new best friend.

Рабочий-«трейди» - частый герой австралийской рекламы. По материалам Интернета.

Символом современного жителя континента, героем теле-реклам и бумажных проспектов, часто является молодой белый мужчина в возрасте до сорока лет, что по-местному означает начало жизни. Сияющий молодой человек изображается в рабочей форме, традиционно состоящей из строительной каски, грубых ботинок, шорт и грязной майки. Это – «трейди», герой современной Австралии, рабочий «tradesman», что по-русски ближе всего к вольнонаемному рабочему: электрику, плотнику или столяру. Непременным аксессуаром рабочего-«трейди» является легковой грузовик с открытым кузовом – «ют», (изобретение Австралии?) с верным спутником псом, желательно местной пестрой породы – «блюи». Новый герой по обычаю незамысловат, немногословен, по-деревенски чопорен и обладает своеобразным, австралийским чувством юмора. К жизни наш герой относится философски, если эта сама жизнь удовлетворяет его не слишком большие потребности. К вещам менее понятным, чем дом, друзья, семья и работа, молодой рабочий относится настороженно и чаще всего отвергает. Высокое образование, тем более успех на ниве искусства или науки, простыми людьми не воспринимается, и обычно незамысловато обозначается грубоватым словом «shit» - (дерьмо). Мне довелось работать с местными пролетариями, оказавшимися, в целом, простыми и добрыми людьми, и поначалу их резкая оценка

объективных достижений западной цивилизации ставила меня в тупик. Но потом я привык и не удивлялся, когда любое проявление человеческой активности, не входящее в интерес австралийских трудящихся, ограниченных треугольником: работа – паб – дом с задним двором «бэкярдом» и вечным барбекью с пивом, устойчиво классифицировалось, как «shit». И можно не тратить силы, чтобы втолковать местному «хозяину жизни», что живопись – это красиво, джаз – это классика, и даже его собственное австралийское вино – это хорошо, в лучшем случае, тебя снисходительно выслушают, но за спиной между собой непременно обзовут это все «дерьмом». Простота местного пролетариата возведена в Австралии в государственный символ удобства и комфорта жизни. Априори считалось, что средний рабочий вполне может обеспечить себя и свою семью и поддерживать достойный уровень жизни в своем большом доме. Исторически сложилось, что одной зарплаты рабочего десятилетиями хватало на всех, включая многочисленных детей и никогда не работавшую жену. Чтобы поддерживать привычный имидж, доходы рабочих росли постоянно, и к началу XXI-го века в стране сложилась парадоксальная ситуация, когда малограмотный рабочий, строитель или водитель большегрузного автопоезда получал доход, превышающий зарплату профессора, инженера или среднего бизнес-менеджера. Вместе с доходами росли и амбиции новых «героев жизни», изменилось их поведение и все более вызывающий внешний вид стал нормой. В 1999-ом году, когда я приехал в Сидней, меня поначалу коробило, когда австралийские пролетарии в грязной, рваной одежде втискивались в чистые, опрятные вагоны метро, и, развалившись на бархатных сидениях, закидывали грязные ноги на соседнее сидение. Рабочий, особенно строительный, является в Австралии не только символом грубоватой, пролетарской свободы. Он является законодателем цен, а цены, особенно на жилье, в Австралии – все! Доллар, пресловутый «желтый дьявол», вот, что правит человеческой жизнью при капитализме, а у кого в руках цены, тот и хозяин ее. Строительный бум, особенно в бурно растущих австралийских городах, в течении последних тридцати лет создал своего рода рабочую элиту, на плечах которой держится многомиллиардный строительный бизнес. Местные строительные фирмы и заокеанские инвестиции полностью зависят от того самого строительного пролетария в трусах и каске, от немногословного «оззи», любителя пива и барбекью. Как ни странно, огромные, капитальные стройки страны не имеют своего штата рабочих, и все нанимают по контракту сотни индивидуалов-«трейди», которые общими усилиями создают благосостояние страны. Неудивительно, что участвовавшие случаи банкротства крупных строительных фирм в связи с мировым финансовым кризисом оставили без работы тысячи контрактников, о чем сильно кричала пресса и разбирательством за кулисами занималось даже само правительство, ибо, «трейди» - очень важная часть австралийского общества. Гордых рабочих нельзя оставлять без заработка, это не обсуждается, и, когда рынок недвижимости в виде миллионов несуразно дорогих частных домов застаивается, (читай, цены не растут, как сумасшедшие), тут же на помощь приходит государство и быстренько снижает ставку кредита Резервного банка, что немного отпускает смертельную «удавку» ставки банковского займа на дом, который платят 95% простых австралийцев. Вот, такая капиталистическая диалектика, понимаете! Мне привелось поработать с австралийскими пролетариями неоднократно, и я с уверенностью могу рассуждать об их психологии. Политически совершенно неангажированная часть общества, тем не менее, генетически очень близка к марксистскому мировоззрению. Вероятно, страна, поднятая тяжелым, подневольным трудом всего каких-то 200 лет назад, сформировала свое собственное общественное мировоззрение, которое, вдали от европейского пролетарского движения, оказалось близким по духу борцам за права рабочего класса. Абсолютно по-капиталистически признавая власть денег, австралийские рабочие обладают ярко выраженными, несомненно пролетарскими чертами, как обостренное чувство социальной справедливости, трудового равенства и неприятие богатства, как такового. Мне было очень забавно от своих коллег неоднократно слышать в адрес престижных районов, магазинов Сиднея и даже в адрес дорогих машин – «richbastards!», (богатые сволочи!), что является всего лишь наивным протестом против вечного социального неравенства. Политические интересы трудящихся Австралии достаточно эффективно защищаются профессиональным профсоюзами, «трэд-юнионами» которые в современном языке потеряли приставку «трэд», и все чаще именуется просто – «юнион». Потеря старинного названия профсоюзов весьма символично. Современные «трэд-юнионы» страны – это мощные бизнес-объединения с хорошими подготовленными кадрами политработников и огромными финансовыми средствами, способными контролировать политическую жизнь в стране. В полном соответствии со своей капиталистической сущностью, описанной в работах В.И.Ленина об английских «трэд-юнионах», австралийские профсоюзы стойко стоят на страже интересов капиталистического бизнеса, умело жонглируя популистскими лозунгами и примитивными фокусами перед толпой недовольных рабочих. Мне довелось видеть профсоюзных лидеров в деле, когда я стал невольным участником организованной забастовки в 2008-ом году на фирме «Бринкс». Именно тот эпизод, который, кстати, закончился потерей основного

контракта и закрытием инкассаторской фирмы в Сиднее, подтолкнул меня вступить в профсоюз, после того, как я увидел в действии мощь и влияние этой добровольной, общественной организации. Влияние профсоюзов на политическую жизнь страны осуществляется через Лейбористскую партию Австралии, партию либерально-демократического толка, соответствующую английской партии лейбористов. Политическая стабильность страны также обеспечивается по-английски последовательной преемственностью двух ведущих партий: Лейбористской и Либеральной, (в английском парламенте – лейбористы и консерваторы, в США – демократы и республиканцы), где за спиной лейбористов, которые по идее более близки интересам трудящихся, стоят те самые невидимые австралийские профсоюзы.

Типичная австралийская, «белая» семья, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Как и все советские люди, австралийцы очень любят свою страну, особо не заботясь политическими проблемами или демократическим выбором. Привитая с детского сада любовь к государству, очень напоминает обожание СССР времен Сталина, когда даже идея мыслить по-другому считалось преступлением. Любой разговор с современным «белым» австралийцем о недостатках его страны наверняка вызовет у него молчаливое отрицание, и вам грозит ярлык иммигранта-недоумка, который в силу своей непременно нищей ограниченности не способен понять радость австралийской демократии. Однако, политическая толерантность местных граждан означает всего лишь высокомерное безразличие к вашим взглядам, если они отличаются от общепринятых на засушливом континенте. С первого дня примитивный патриотизм «Оззи», как гордо себя величает местное «белое» население, напоминало мне известный анекдот советского времени: «Если других машин не видел, то «Запорожец» - тоже машина!». Невольно складывалось впечатление, что ты все еще в СССР, где проклятые западные достижения отвергаются в корне в пользу своего, родного, пасконно-домотканного. Местная пропаганда умело создала имидж превосходства всего австралийского, и, если, с качеством продуктов питания можно было согласиться, то другие достижения цивилизации, почти полностью принесенные из Англии и США, объяснить с точки зрения патриотического шовинизма просто невозможно. На мои провакационные вопросы о происхождении машин,

технологий, электроники и их обожаемых мобильных телефонов, «оззи» мрачно замолкали или материли Россию, в зависимости от интеллектуального уровня собеседника. По мнению многих научно-производственный потенциал Австралии создал почти все блага современной жизни: науку, медицину, технологии, банковскую систему и коммуникации. Поголовная техническая безграмотность населения и умело вывернутая пропагандой информация позволяет современным австралийцам вполне искреннее верить в избранность своей страны, а отсутствие законного контроля со стороны правоохранительных органов дает им право полагать, что отсутствие полиции и «беззубость» судов и есть лучшая в мире демократия. Австралиец просто фанатически влюблен в свою страну, в которой все самое лучшее в мире. «Лучшая» в мире природа континента приносит столько бед и несчастий своему населению каждый год, что даже при самой большой фантазии согласиться с этим трудно. Обычные туристические плакаты с разноцветными рыбками Барьерного рифа и изумрудными пляжами под пальмами – далеко не вся Австралия, почти полностью представляющая собой засушливую, мертвую пустыню. Вероятно, немного, что является действительной редкостью – это уникальная пустота на многокилометровых австралийских пляжах, что, увы, продержится, вероятно, не долго. «Лучшие» в мире продукты питания в Австралии очень неплохи, однако, по стандартам Америки запрещены к вывозу США и некоторые другие страны. «Лучшая» в мире кредитно-банковская система страны оказалась совсем не лучшей и сегодня открыто подвергается критике за непомерные поборы за услуги и негибкий сервис. «Лучшая» в мире медицинская система страхования «трещит по швам» в условиях финансового кризиса и вряд ли сильно отличается от аналогичных государственных систем развитых западных стран. Зачастую объективная оценка недостатков страны в сознании австралийца заменяется навязчивым присутствием государственного флага и исполнением гимна по любому спортивному или подобному поведению. Как все советские люди в недалеком прошлом, австралийцы рассматривают конкурирующий мир весьма упрощенно, в основном по языковому признаку. СССР, как известно, делил окружающий мир просто: друзья соц-лагеря, США и западноевропейский империализм, и третий мир, в котором под действием политической конъюнктуры, то тут, то там, вылуплялись энергичные сторонники марксизма. Для простоватого «оззи» политических проблем не существует, и его мир удобно разделен всего на несколько географических частей, которые составляют австралийское понятие «весь мир» - thewholeworld. Главный и неоспоримый авторитет для Австралии – это Лондон. Мои попытки выяснить, почему историческая английская метрополия сократилась до размеров одного мегаполиса, результата не дали, но чаще всего, подразумевая Великобританию, австралиец скажет – Лондон. «Поехать в Лондон», «прилететь из Лондона» - на местном языке не означает просто аэропорт Хитроу, вероятнее всего имеется в виду тур по глухим провинциальным местам Англии с посещением давно забытых родственников в припадке старческой ностальгии.

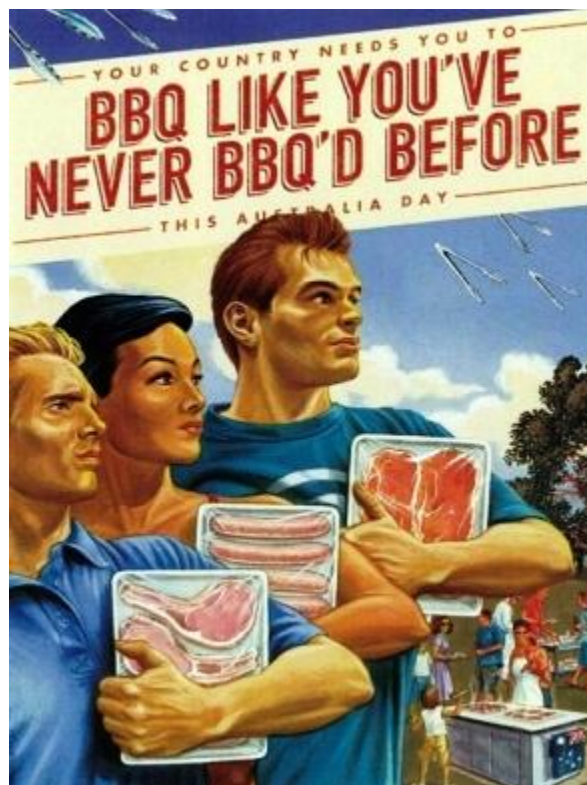
Второй частью света по-австралийски непременно будет указана Новая Зеландия – NZ. К ближайшему соседу, по духу, истории и материальному положению очень похожему на Австралию, у местных отношение снисходительно трогательное, как к младшему брату. Многочисленные анекдоты и байки о новозеланцах, по-австралийски – «киви», напоминают отношение англичан к шотландцам, только без злобы и унижения. Согласно современным законам новозеландцы имеют неограниченный въезд в Австралию с правом трудоустройства и всеми льготами жителей континента. Нынешний экономический кризис погнал многих «киви» в Австралию в поисках работы, и теперь почти местные, «белые» жители NZ составляют определенную конкуренцию на рынке труда. «Белые» австралийцы любят Новую Зеландию и непременно посещают страну несколько раз за свою жизнь. Похожий уклад жизни, сравнимые цены и еще более расслабленное отношение к окружающему миру бесспорно привлекают местных туристов. Прохладный климат, и горнолыжные курорты стали современной визитной карточкой восточного соседа Австралии, немного оттеснив традиционно пасторальные картинки Новой Зеландии с непременными баранами на первом плане. Настоящие «оззи» благосклонно считают NZ почти своей территорией и страшно переживают, когда Австралия в очередной раз проигрывает Новой Зеландии матч в любимое регби.

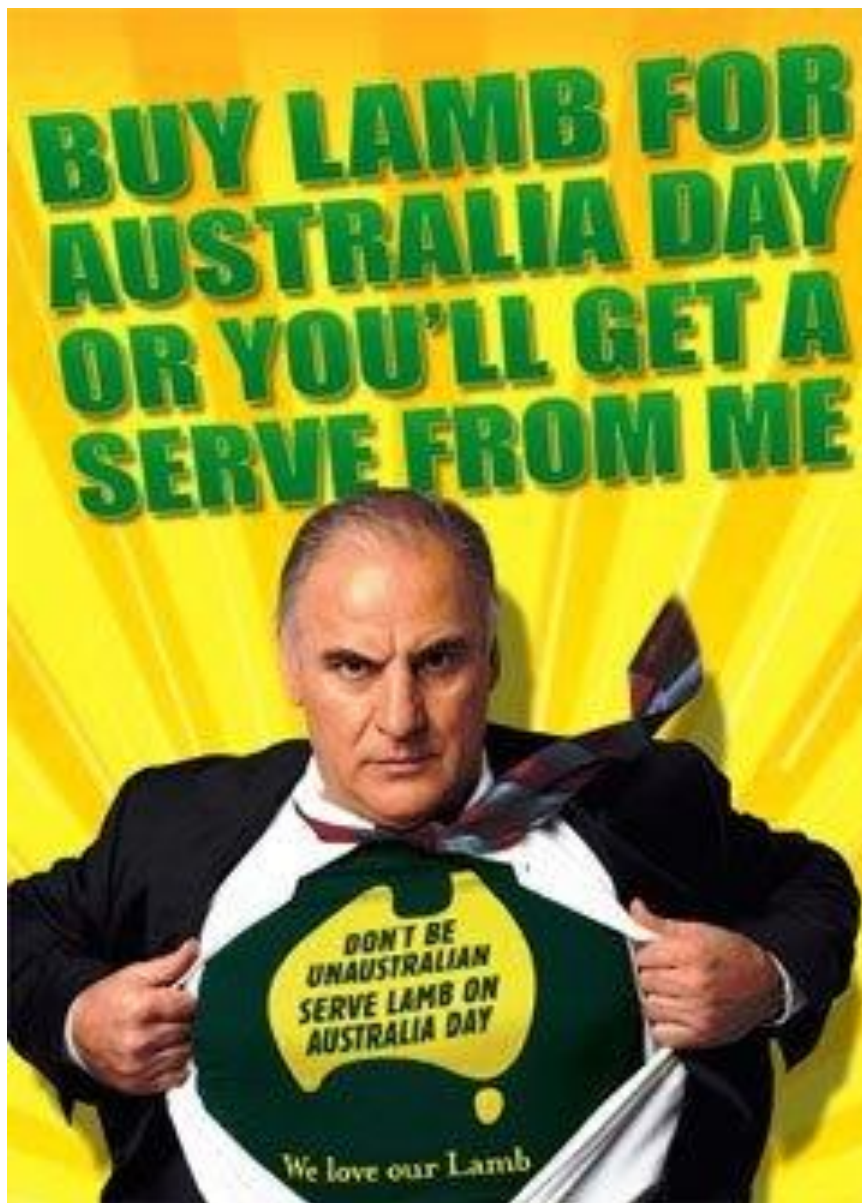

Молодые трудящиеся Австралии – основные патриоты страны. По материалам Интернета.

США для австралийцев – страна почти неведомая. В силу величины, экономической мощи и мирового авторитета Америка стоит у настоящих «оззи» на третьем месте. США – лидер капиталистического мира, признается по определению, хотя особой любви к американцам в Австралии нет. Немногочисленные американские специалисты, по долгу службы живущие в Сиднее, практически незаметны, и, как в других странах мира, «янки» не любят напоминать о своем происхождении. Всего лишь пару раз я слышал раскатистый американский акцент, но расспросить людей не удавалось, т.к. они дружно заявляли, что жили в США всего несколько лет.

Дальше в простом понятии мира в Австралии обычно называют Азию. Просто так – Asia, без малейшей попытки разделить богатые мировые культуры, страны и народы. Пренебрежительно-упрощенный подход «оззи» удивительно удобен: азиаты мелки, суетливы, многочисленны, жадны и, главное, не говорят по-английски. Мощные азиатские диаспоры, составляющие уже более 50% населения страны, не изменили отношения, с той лишь разницей, что смешанных браков стало больше и азиатские «обжорки» открылись почти в каждой деревне. Пряная, острая пища прочно вошла в рацион незамысловатых австралийцев, однако, в головах ничего не изменилось, и нередко можно услышать в адрес съеденной азиатской пищи вечный австралийский – «shit». Остальные страны и народы мира, увы, не удостоиваются внимания гордых «оззи». В силу понятных причин современная Австралия узнала Ирак и Афганистан, «осчастливленные» присутствием австралийского военного контингента, однако, даже собственные итальянцы, югославы и греки, проживающие на континенте более 50 лет знаний географии австралийцам не дали. Неудивительно, что упорно скрытые местной пропагандой Германия и Россия, вообще не существуют на карте австралийца. Если мировое еврейское сообщество постоянно напоминает о «холокосте» с помощью документальных фильмов о фашизме на местном ТВ, то о России информации в Австралии почти нет совсем. Поэтому предполагать что-нибудь более положительное, чем «crazyRussian», от местных, увы, не приходится. Мои первые, иногда неловкие разговоры с «белыми» австралийцами после приезда научили меня многому. В начале 2000-х годов, когда в Сиднее только начиналось настоящее разноцветное «многокультурье», и в местном метро на громкий разговор по телефону не по-английски презрительно фыркали, обсуждать, тем более осуждать «австралийское» было делом нетерпимым. Как в СССР, логическое обсуждение или попытка принять сторону собеседника были делом безнадежным, и мои любые, с точки зрения нормального человека, аргументы приводили к отторжению или злобе. Все споры сводились к хамскому выпадку против России, или, в зависимости от интеллигентности, замирали после того, как «оззи» терял к тебе интерес. Крыть, по большому счету, австралийцам было нечем, и даже такой удобный аргумент для советских людей – «А, у нас танков больше!», в Австралии не работал, потому что, ничего исторически особенного отдаленный континент не создал.

Реклама самого «патриотичного» продукта страны – баранины. Справа – патриот Сэм Кокович, герой многочисленных телереклам в канун Дня Австралии. По материалам Интернета.

...Серый, угловатый грузовик с подслеповатыми стеклами взревел мотором и, тяжело подпрыгнув шеститонным бронированным корпусом, резко осел, заняв добрую половину узкой дорожки. Худой пешеход в линялой майке отскочил к жаркой стене, прижатый неожиданным маневром, и заторможенно уставился на неясное препятствие мутным наркотическим взором.

- *Howd'yadoing, mate?!-* издевательски спросил через стекло сидевший за рулем грузовика Ник, громко хохотнул и потянулся за драной, синей планшеткой с планом дневного маршрута компании Brinks по восточным районам Сиднея.

- Commonwealth Банк – один паке-е-ет! – гнусавым, станционным голосом протянул молодой, веселый македонец, что в тот день касалось именно меня, «мессенджера» маршрута. Одним движением я бодро соскочил с левого сидения пассажира и, стараясь не споткнуться о длинные ноги третьего члена экипажа, высокого, меланхоличного англо-сакса Спалдинга, сидевшего за перегородкой, привычно сорвал с черного, полицейского ремня связку ключей. Грохнула железная дверь, и я оказался в глухом, полутемном фургоне, полки которого были

плотно заполнены синими кожаными футлярами с кассетами денежных автоматов, пластиковыми пакетами с банкнотами и тяжелыми, холщевыми мешками с мелочью.

- Fuck! Я ничего тут не вижу! Ник! Где пакет?!

- Посмотри справа, наверху, Serge!!

Продвигаясь наощупь при свете загадочно слабых лампочек, я зацепился ногой за рассыпанные на полу мешки и, не удержавшись, рухнул вперед, гулко звякнув открытой рукояткой револьвера о железный пол... Витиеватая ругань русского, долго и причудливо расставлявшего производные от грубоватого английского “fuck”, искренне развеселила австралийцев, которые легко простили неловкость своего старшего, «мессенджера» маршрута фирмы Brinks, посреди раскаленного январским солнцем Сиднея. Читателей, по странной прихоти прочитавших прошлые мемуары автора, вполне справедливо может заинтересовать вопрос – а, что, собственно, я делал в американской компании Brinks, и, вообще, как я докатился до такой жизни? Вопрос далеко не праздный, ибо за моими плечами уже были три курса австралийского колледжа, склад DHL, работа тяжелая, но необходимая, должность таможенного декларанта и замечательный офис английской семейной фирмы JohnSwire&SonsLtd, куда я пришел квалифицированным бухгалтером. Однако, как это часто бывает, нелегкая понесла дальше... Бухгалтерская должность откровенно угнетала меня монотонностью работы и непосильным объемом бумаг, что привело к полной потере интереса, за которым обычно следует смена работы. Особого выбора не было, и, снова оказавшись на улице, я сделал выбор в пользу работы легкой и бестолковой – «секьюрити» в более-менее интеллектуальной форме – инкассаторской деятельности “cash-in-transit”. После окончания курсов в лучшем учебном центре Chubb, в 2002-м году я быстро получил должность в американской компании Brinks, искренне надеясь, что мой армейский опыт и умение неплохо стрелять, (пожалуй, единственное, что я действительно умею), позволят мне закрепиться на новом месте. Что же, я оказался прав, и последующие два года я честно трудился на благо крупнейшего банка Австралии – NationalBank, с удовольствием носил форменную американскую рубашку Brinks и с гордостью поглаживал на боку черную кобурку с тяжелым револьвером Smith&Wesson 38-го калибра...

Полиция Сиднея возле места нападения на экипаж Brinks в 2010 году. В результате перестрелки «гард» экипажа был убит. По материалам Интернета.

Справившись, наконец, с темнотой, я вылез на свет, держа в руках белый, пластиковый пакет, на котором синим маркером было выведено: «CommonwealthBank». Ошибки не было, члены экипажа, старые и опытные «мессенджеры», сверили запись, и Спалдинг, согнувшись перед низкой дверью, шагнул в яркое, раскаленное марево. Согласно инструкции тяжелая, бронированная дверь с лязгом захлопнулась перед моим носом, и через мутноватое, затемненное стекло я увидел, как длинная фигура австралийца, моего охранника—«гарда», промаячила до угла здания и остановилась среди пестрой, пляжной толпы *BondiJunction*.

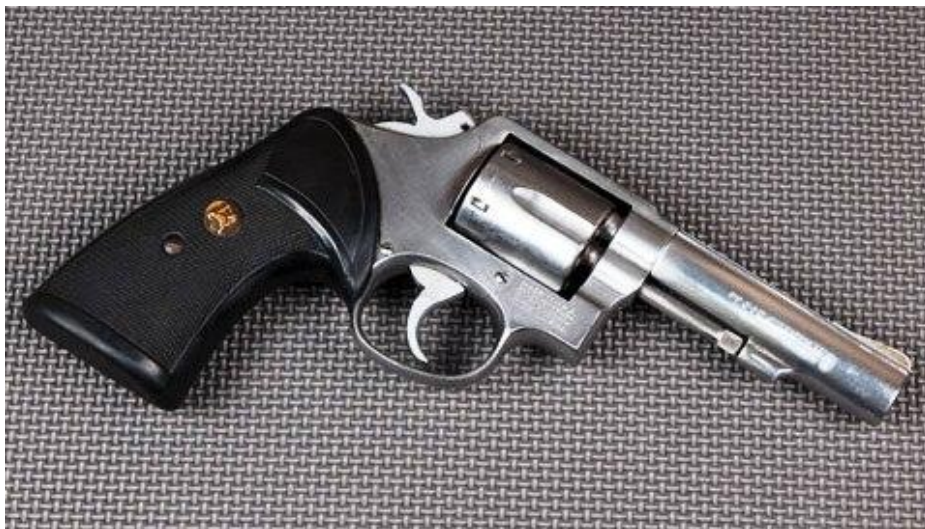
Любой английский словарь предложит читателю несколько значений слова “messenger”, однако, вряд ли на свете найдется словарь, переводящий это простое по сути слово, как: «Старший экипажа бронированного инкассаторского автомобиля фирмы Brinks». «Посланник, посыльный, весть приносящий...», перевод неточный, потому что, главное, что делал «мессенджер» на фирме Brinks – он носил деньги. Большие, настоящие деньги, которые могли сделать счастливым кого угодно. Нагруженный тяжелыми мешками, пакетами и сумками, «мессенджер» нередко становился легкой добычей, к чему, увы, приводили многочисленные нарушения инструкций экипажами и простая человеческая невнимательность. О риске в компании старались не думать, но помнили всегда, как летчики, парашютисты или пожарные, и к печальным и глупым потерям денег в результате нападений относились с пониманием и старались не напоминать. Никто, включая руководство, не третировал жертву нападения, а, наоборот, поддерживали добрым словом и грубоватыми фразами в адрес менеджеров компании, не способных обеспечить безопасность маршрутов. Избитая английская фраза “Don’tshootthemessenger!” приобретала среди сотрудников Brinks угрожающе буквальное значение, но ее любили повторять в качестве шутки, лишней раз подчеркивая реальную опасность вооруженной инкассаторской деятельности. Надо сказать, что старая американская фирма, основанная в 1859 году, не отличалась щедростью. Более известная своим бизнесом в области перевозки ювелирных изделий и алмазов по всему миру, обычное инкассаторское обслуживание банков и прочих клиентов по доставке денег, вероятно, считала делом побочным, и наш основной контракт с сиднейским банком National не был достойно организован...

...“Standby!” глухо прохрипела рация у меня на ремне, что означало начало работы. Я толкнул дверь и прыгнул вниз, зажмурил от яркого света глаза и через голубую форменную рубашку почувствовал раскаленную обшивку грузовика. Темные очки я не носил, как другие, справедливо полагая, что они сильно ограничивают боковое зрение весьма полезное в критической ситуации. Через пару секунд слепящее изображение вернулось вместе с тридцатипятиградусной жарой и воздухом, наполненным ароматами близкого океана, цветущей зелени и выхлопами бензина с пониженным содержанием свинца. Я посмотрел вперед и увидел Спалдинга среди расслабленной, молодой публики в откровенно облегченных нарядах, едва ли вышедших на короткий обеденный перерыв. Я зашагал вдоль желтой, горячей стены банка, когда прямо на меня из-за угла выскочило два типичных создания, украшающих приморский город Сидней. Две молоденькие белокурые девчонки-старшеклассницы, кукольные лица которых были прикрыты темными очками, с неповторимой грацией молодых, загорелых пантер беззаботно шли куда-то, смешно «хрюкая» длинными соломинками в объемных, пестрых стаканах с вечным фруктовым «смусси». Их незатейливый наряд состоял из непостижимо отрезанных джинсовых шорт и чего-то легкого поверх символического бикини, оставлявшего окружающим полную свободу наблюдать тонкие, загорелые талии. «Sorry!», хором пропели девчонки, уступили мне дорогу и зашагали дальше, беззаботно покачивая зачесанными наверх хвостиками и шлепая резиновыми «вьетнамками»-тонгами, совершенно не задаваясь вопросом, что я вообще там делал со своим грозным револьвером. Добравшись до своего «гарда», я молча пошел вперед, плотно прижав подмышкой белый пакет, в котором на ощупь было валюты тысяч на двадцать. Привычно фильтруя взглядом окружающих, мы направились к входу в отделение банка, расположенного на углу людной пешеходной зоны района *BondiJunction*. Сидней наверно не был бы Сиднеем, если бы в нем не было старого и дорогого района *BondiJunction*. Расположенный достаточно близко от океана, этот район является конечной станцией городского поезда, который по-лондонски объединяет метро и электричку «в одном флаконе». Главная достопримечательность *BondiJunction* заключается в том, что он расположен вблизи главного морского пляжа страны – легендарного *BondiBeach*, фотографии которого известны почти так же, как сиднейский Опера Хаус. Ходит легенда, что в свое время местные власти не позволили протянуть тоннель до самого моря, чтобы не превратить замечательный океанский пляж в запруженную отстойную яму. Прошло полвека и *BondiBeach* все же стал самым популярным местом, а, расположенный в двух километрах *BondiJunction*, стал перевалочной базой пестрых пляжных толп, состоящих из весьма разного люда: от беспечных скандинавско-британских девочек-туристок с неподъемными рюкзаками, до вполне криминальных субъектов демократично-наркотической направленности.

Трудно сказать, было бы хуже с подземной линией метро, но в XXI веке оба восточных района города стали одинаково людными, и цены на жилье поднялись на одинаково недостижимую простыми смертными высоту. По пешеходной зоне Bondi Junction в разгар сезона разгуливали девушки в бикини и юноши в трусах, словно они только что вылезли из морской воды, а в местных лавках обычный туристический набор заменили предметы пляжного отдыха. В ночное время знаменитый район заполнялся подвыпившей молодежью, что часто составляло головную боль местной полиции. Словом, место популярное. Однако, у Bondi Junction есть еще одна достопримечательность: в 1970-х годах тихий, уважаемый район Сиднея получил репутацию австралийского Брайтон-Бич. Приехавшие с хорошими деньгами советские иммигранты, облюбовали тихий район, и еврейская диаспора выходцев из СССР органично влилась в традиционное еврейское «комьюнити» восточного района. Еще десять лет назад на Bondi Junction автор имел удовольствие пить давно забытую водку в добром, «застойном» заведении с черноморско-одесским названием и репертуаром, однако, сегодня этих заведений больше нет, и только неповторимый одесский говорок еще пока слышен на пенсионерских лавочках старого сиднейского района...

Отделения банков в Сиднее мало различались друг от друга, и лишь небольшое отличие в планировке и цвете напомнили нам, что мы вошли в «чужую» зону. Клиенты основных четырех банков Австралии по внешнему виду и кредитоспособности также мало отличались друг от друга, и в желто-сером отделении Commonwealth Банка мы обнаружили обычную дневную очередь в легких, летних нарядах. Миновав клиентов, мы подошли к двери с номерным замком и вопросительно уставились через толстый пластик стойки на молодых кассиров, озабоченно щелкавших на своих компьютерах. Наше появление не вызвало завидного энтузиазма на лицах гордой банковской смены, и я приготовился ждать пока кто-нибудь из них не соизволит поднять зад со стула и пойдет открывать нам дверь во внутренне помещение для передачи пакета. Очередь вопросительно пялилась на две мающиеся фигуры с пистолетами возле двери, вероятно, прикидывая, что будет дальше, как неожиданно замок щелкнул, и мы быстро прошли внутрь с удовольствием прячась от назойливого внимания клиентов. Социально-этническая конкуренция представителей основных диаспор среди жителей австралийского мегаполиса иногда принимала причудливые формы. Я давно заметил, что вполне открытая неприязнь между китайской и индийской молодежью в банковской сфере выливалась в конкуренцию правильных, школьных отличников. В последние годы университетские выпускники сиднейских университетов почти полностью состоят из представителей этих двух растущих и агрессивных наций, перенося на рабочие места свои внутренние разногласия. Среди банковской молодежи одного уровня это выражалось в отсутствии духа команды и полном нежелании сделать шаг вперед, когда требовалось дополнительное усилие. Особо заметно невидимый конфликт выражался во время работы «смешанной» банковской смены, когда никто не бежал открывать дверь прибывшим сотрудникам Brinks, вероятно, считая недостойным показать свою чрезмерную активность перед другими. Однако, если смена кассиров состояла из одних индусов или китайцев – то проблем не было, и дверь нам открывали очень быстро.

Фирма Brinks и ее главное оружие. По материалам Интернета.

Неформально-пацифистская общественность города Сиднея неоднократно жаловалась на посещение банков вооруженными сотрудниками инкассации в дневное время, и, что удивительно, банки обращали на это самое серьезное внимание. Достаточно сказать, что в свое время новая на рынке фирма Brinks выиграла богатый контракт с банком, предложив ему нестандартный сервис: обслуживание отделений... в ночное время. Ни одному нормальному человеку, вероятно не пришло бы в голову разгуливать по большому ночному городу с мешками денег, но бизнес есть бизнес – и основные деньги мы лихо возили ночью на радость клиентов и недоумение конкурентов. Посещение чужого отделения случалось достаточно редко, когда руководство другого банка обращалось в National подкинуть им иностранной валюты для обмена. Именно такая валюта была в моем запечатанном пакете, о содержимом которого мне знать не полагалось. Я не успел порадоваться технической «продвинутости» *Commonwealth* банка, имевшего возможность открывать дверь на расстоянии, как с удивлением обнаружил, что мы оказались в глухом, плохо освещенном коридоре, и вместо вдохновляющего общения с индийско-китайскими сотрудниками банковского сектора, нам предстояло преодолеть еще одну такую же дверь в «закрома». В коридоре стояла полная тишина, и подойдя к двери, я без всякого колебания нажал на небольшую красную кнопку звонка, ибо никакого другого способа заявить о себе у меня не было. Прошло пару минут, я нажал кнопку еще, внутри раздалось какое-то шевеление, и дверь осторожно приоткрылась на пару сантиметров. В щель мелькнул чей-то глаз, и дверь с шуршанием снова захлопнулась. Ну, это уже слишком! Мы недоуменно переглянулись со Спалдингом и приготовились к сюрпризам, которые не заставили себя ждать. Дверь снова открылась на ширину ладони, и через щель можно было различить шуплую женскую фигурку, которая тонким голосом попросила показать наши карточки. «Началось!», досадливо подумал я и мы протянули свои удостоверения Brinks поближе к двери, после чего глаз исчез и дверь снова закрылась.

- Да, долго мы здесь проторчим!

Спалдинг промышчал что-то по обыкновению философское, но дверь неожиданно открылась снова, и тот же женский голос настоятельно потребовал: «Пакет!». Я с облегчением протянул пакет с ведомостью и приготовился ждать, сделав скидку на необъяснимо бдительное поведение сотрудников *Commonwealth* банка. Что делать, везде были свои правила! Прошло еще минуты три томительного ожидания, когда через полуоткрытую дверь к нам в коридор проскользнула маленькая симпатичная девушка, почти школьница, в затянутой форменной блузке. Вопреки моим ожиданиям она оказалась вполне европейской внешности, и только черные, длинные волосы, карие глаза и бирка с именем «Мария» достаточно красноречиво говорили о ее средиземноморском происхождении. Да, глаза... Огромные, с длинными ресницами, казалось, занимали пол-лица, о которых принято говорить – зеркало души. Девушка строго посмотрела на нас снизу вверх, поправила черные, блестящие волосы, и, сделав строгое лицо, заговорила тоном строгой школьной учительницы.

- Так, значит, *Brinks!*.. – девушка снова странно посмотрела на нас. Миниатюрная «банкирша» была очень хороша, хотя, при ближайшем рассмотрении показалась не такой юной, как показалась вначале. Я с удовольствием рассматривал правильные черты лица изящной Марии и почти простил ей наше бестолковое ожидание, когда девушка, выдержав паузу, снова заговорила.

- Ну, и кто нажимал кнопку?

- Я! Дверь закрыта, никто не выходит, стоим уже десять минут...

Огромные, немигающие глаза с интересом скользили по нашим лицам, и я уже приготовился перевести все в шутку, когда Мария спокойно сообщила нечто, от чего у меня стало нехорошо в животе.

- Вы активизировали *alarm*.

Идиотская улыбка застыла у меня на роже и краем глаза я увидел, что длинное аристократическое лицо Спалдинга вытянулось еще больше. *Alarm!?!? Я!!!????* Объяснять было не надо: я по ошибке нажал основную «тревожную» кнопку банка, которой пользуются в случае ограблений для немедленного вызова спецотряда полиции. Мария убедилась, что мы, вероятно, знали о последствиях, и для пушного эффекта печально добавила, пристально посмотрев на меня.

- Сейчас полиция приедет, ложный вызов оформлять будет. На этот раз за вызов, вероятно, заплатит *Brinks*...

Плохо дело! Я на секунду представил лицо своего «горячего» супервайзера, бритого, смуглого Артура с его уничтожающим взглядом, и уже начал ненавидеть эту маленькую «банкиршу» в ее дурацком коридоре, когда Мария опустила голову и мы услышали... смех. Мы переглянулись со Спалдингом, с удивлением рассматривая девушку, которая весело и заразительно смеялась. Вероятно, наши вытянувшиеся физиономии действительно выглядели смешно. Наконец она успокоилась, и, скорчив смешную гримаску, погрозила мне пальцем.

- Шалун! *Naughtyboy!* – девушка поправила волосы и спокойно продолжала. – Не беспокойтесь, я уже позвонила в полицию – они хорошо знают меня. С ними сейчас менеджер разговаривает...

Мы со Спалдингом недоверчиво таращились на странную сотрудницу, и она, печально вздохнув, поведала нам историю, которую она наверно рассказывала в двухсотый раз...

Британский фрегат в бухте Сиднея, 2001 год. Фото автора.

...Несколько месяцев назад на отделение Commonwealth банка было совершено вооруженное нападение. Несколько мужчин в масках среди бела дня ворвались в сонное помещение, и захватив кого-то из сотрудников, проникли во внутреннее помещение. Угрожая оружием, они потребовали открыть основной сейф, в котором хранились все деньги отделения на Bondi Junction. Обычно подобные ограбления не сопровождались насилием или стрельбой, и грабители вполне мирно обращались с заложниками и сотрудниками. Никто в Сиднее не помнит героических осад, достойных голливудских блокбастеров, или умопомрачительных погонь, которые в настоящее время практически невозможны с введением «мирных» полицейских инструкций, в соответствии с которыми гоняться за преступниками на машине и, тем более, стрелять в городе небезопасно для окружающей публики. Ключи от сейфа находились у старшего банковской смены, молодой сотрудницы Марии, которая неожиданно совершила поступок, который сразу сделал ее героиней в глазах одних и выскочкой в глазах других. Щуплая девчонка, не поддавшись на угрозы, и стоя перед здоровым грабителем, просто закинула ключи далеко в угол, из которого достать ключи было совсем не просто. Ей повезло: ее не пристрелили от злости, и даже не ударили, а лишь хорошо обматерили. Грабители ушли ни с чем, а полиция, примчавшаяся после нажатия сигнализации alarm, немедленно сделала Марию героиней. Руководство банка, понятно, не разделило восторгов правоохранительного органа, ибо на лицо было явное нарушение всех писаных и неписаных банковских законов. Сопротивление грабителям было делом не только физически опасным – оно подрывало имя банка, в котором, по возможности, подобные происшествия старались по-быстрее забыть. Шума было много, и, поразмыслив, банк, все-таки, поощрил смелую девушку, повысив в должности, вопреки недовольному ропоту рядовых сотрудников. Простых работников смены понять было просто: работать под руководством сумасбродной выскочки, по вине которой любой мог получить пулю в голову, было неприятно. Отношение к Марии изменилось, и она приняла неожиданное предложение со стороны полиции поступить в полицейскую академию с самыми лучшими рекомендациями.

Возможно, это еще более отдалило молодого супервайзера от ее смены, и банк считал недели, когда «полицейская героиня», наконец, напишет заявление об уходе...

Мария продолжала говорить тихим голосом, пристально уставившись на меня своими огромными карими глазами. У меня было такое ощущение, что она рассказывала только мне, и весь остальной мир остался где-то за пределами узкого, мрачноватого коридора. Ее голос становился все более знакомым, как-будто я знал его много лет, и эта хрупкую, полу-детскую фигурку в длинной, узкой юбке я знал очень давно. В огромных глазах Марии я заметил знакомое свечение, от чего в животе стало просыпаться большое, неудобное чувство, которое в английском языке называют странноватым словом “*chemistry*”. Трудно сказать – «химия» или «физика», но от девушки исходило сладкое, завораживающее излучение, сопротивляться которому было очень трудно. Спалдинг смущенно затоптался рядом, и, вероятно, посчитал себя лишним, наблюдая наше замечательное общение.

- Знаете, ребята, я пойду кофе куплю. *Serge*, ты по-быстрее: у нас еще работы много.

- Да, конечно! – хором ответили мы с Марией, что, вероятно, в другой ситуации рассмешило бы нас, но смеха не было, и я только услышал как рация Спалдинга привычно зашуршала в конце коридора.

Мы остались одни, окружающий мир померк совсем, время остановилось под головокружительным гипнозом, исходившим от этой замечательной Марии, также, как я, забывшей обо всем. Я вдыхал запах ее волос и приторно сладкий, популярный у сиднейской молодежи аромат духов, и почти физически ощущал напряжение в ее тонком теле даже не протягивая руки... Дверь хлопала, ходили какие-то люди, но мы не обращали внимания, не отрываясь смотря в глаза друг друга. Наш диалог стал совсем немногословным, я прекрасно угадывал все ее ответы, как будто знал ее всегда. Отчаянное ощущение незаслуженного расставания придавало словам сладкую горечь, да, и само расставание без встречи было делом обидным и несправедливым... Да, и зачем вообще все это!

- Ты ... ?

- *Russian*.

- А, ты?

- *Italian*...

- Ты приедешь еще?

- Вряд ли, я по ночам работаю...

- Я еще две недели здесь буду...

- Может, не поедешь в академию?

- Нет, не могу... Я уже все документы подписала.

- Подумай, там опасно!

- Я знаю, но я не могу уже здесь...

- Может замуж там выйдешь?

- Возможно...

- Будь осторожна.

- Постараюсь...

Голос Марии звучал все тише, и я почувствовал, что от прежней героини ничего не осталось, и передо мной стояла маленькая, потерявшаяся в жизни девочка, совсем не уверенная в своих поступках. Ответы ее становились короче, в голосе слышались новые ноты, и я с тоской представил, что изящная итальянка сейчас повиснет у меня на шее, после чего у нас начнутся действительно большие неприятности... Нет-нет! Я сделал шаг назад, тряхнул головой и с трудом оторвался от ее гипнотических глаз.

- Знаешь, мне идти надо. Там работы много сегодня.

- Вуе...

Мария напряженно замолчала, и я увидел, как в ее глазах стал гаснуть завораживающий свет, как фотоэлементы доброго, но не очень сильного Терминатора. Я молча развернулся и почти побежал к выходу...

Пешеходная зона Bondi Junction, Сидней, 2000-е годы. По материалам Интернета.

...Режущий свет вернул сознание. Жизнь продолжалась. Китайские мамы сюсюкали младенца на скамейке, три вихрастых жлоба с цветными наколками с гоготом перекидывали узкий мяч поперек бульвара, а мужская часть офисов, хлынувших на перерыв, с удовольствием пялилась на приятно оголенных пляжниц, которые, кокетливо выставив зад, выбирали солнечные очки... Уф! Я с удовольствием вдохнул горячий воздух и вдруг почувствовал страшную, опустошающую усталость, как после изнурительного сеанса гипноза. Посмотрев на часы, и с ужасом увидел, что пробыл в проклятом коридоре ровно двадцать пять минут. Не может быть, наваждение какое-то!

Сорвав с ремня рацию, я быстро направился в сторону своего грузовика, с трудом представляя, как отшутиться от неизбежных вопросов своего экипажа. Хлопнула дверь, я прыгнул на свое место и набрал воздуха, чтобы поддержать грубоватый, мужской треп. Но вопросов не было. Обычно веселый, говорливый Ник молча рванул с места, и, лихо подрезая машины, влился в движение, явно стараясь нагнать потерянное время. Я уперся ногами в низкое, бронированное стекло, полагая, что при возможном ударе мне будет лучше, и я не разобью голову сразу. Зависло неловкое молчание.

- *Sorry*, я задержался!

Ник хитро посмотрел на меня и сочувственно хохотнул.

- Что, *mate*, хороша девка, а?!

Я не успел ответить: македонец резко крутанул руль вправо, и я сильно ударился головой о глухую стенку кабины, не успев ухватиться за ручку, сидя ногами вверх. Грузовик завизжал шинами и резко свернул из левого ряда вправо на уверенно горящий красный свет. Сзади, в фургоне раздался глухой грохот падающих с полок мешков и сумок, и мы все напряглись в надежде не услышать звук, который не означал ничего хорошего. Но, нам не повезло, и глухое звяканье, как будто кто-то бросил в пустое, железное ведро горсть монет, я услышал вполне отчетливо. Это означало только одно: один из мешков с монетами разорвался при падении с полки, и теперь всему нашему экипажу предстояла противная работа ползать на коленях по грязному, темному фургону и собирать до последнего всю раскатившуюся мелочь.

Fuck!...

Работа в компании *Brinks* среди абсолютных австралийцев «оззи» несомненно была мне полезна. Прочно закрепленные знания в области английских ругательств были достойно дополнены знанием психологии и даже морали местного, коренного населения. Общаясь с лихими «секьюрити», я получил твердые знания местных нравов, в чем убедился работая с другими людьми, лишенными подобного опыта. Иллюзий у меня нет: простоватые и по-деревенски чопорные австралийцы в основном примитивны, хотя, среди них немало одаренных людей, к сожалению, необразованных и невостребованных в современной жизни страны. Работая на маршрутах, я также хорошо узнал Сидней с его многочисленными районами. Два года, проведенные в австралийско-американской компании я вспоминаю, в основном, с удовольствием. Грубовато-снисходительные отношения между сотрудниками напоминали мою старую армейскую службу, и в целом однородный состав сотрудников чем-то напоминал офицеров захудалого советского полка. К сожалению, в 2004-ом году в результате глупой забастовки и бесчисленного числа жалоб *Brinks* потеряла контракт банка-клиента, и все отделение компании в отдаленном западном районе Сиднея было закрыто. Я не стал дожидаться развала и в том же году начал свою знаменательную деятельность в Австралийском Красном Кресте, где прослыл знатоком местного пролетариата и вполне осознанно вступил в профсоюз...

Миф № 4

В Австралии не хватает женщин

Эту байку я слышал в России давно, и даже не один раз, и всегда удивлялся откуда это взялось? Очевидно, свое начало расхожий миф о женском населении зародился у истоков австралийской государственности, когда в далекую колонию ссылали каторжан из Англии, на 80% состоящих из мужчин. Следует полагать, что и в самой английской метрополии с дамским полом также что-то было неладно, иначе объяснить происхождение многочисленных анекдотов: английских – про шотландцев, и австралийских – про новозеландцев, о их «любви» к овцам просто невозможно. Пустой мужской треп о заморских дамах, особенно в советской России, когда каждый «выездной» гражданин был событием, меня никогда не удивляли. Как и многие другие, я с интересом слушал рассказы «знатоков», дивясь порой самым невероятным историям. Тогда мне и в голову не приходило, что в цивилизованном мире русский примитивный интерес к женскому полу выглядит признаком нездоровой сексуальной озобоченности. Если в СССР любые выдумки «про за границу» воспринимались естественно, то недавний разговор с московским приятелем удивил меня: оказалось, что расхожий миф о немногочисленности женского населения страны все еще жив и даже подталкивает некоторых русских искательниц приключений к поездке в Австралию в поисках женихов. Следует сразу разочаровать любителей сенсаций: в современной Австралии женщин больше, чем потенциальных женихов! Численность женского населения страны вполне соответствует стандартам западного мира, то есть, составляет чуть больше половины населения. Недостаток прекрасной половины человечества в незапамятные времена был с лихвой дополнен азиатками, которые среди малопритязательных мужчин «оззи» всегда пользовались популярностью. Многодетные семьи иммигрантов, да, и собственный прирост населения, сравняли баланс давно, и сегодня надо говорить о проблеме недостатка мужчин, что в Австралии действительно является серьезной проблемой. Понеся сравнительно незначительные потери во время Второй мировой войны, мужское население «белых оззи» пострадало больше за последние десятилетия. Банальный алкоголизм, автокатастрофы и наркотики ежегодно уносят жизни тысяч молодых людей, мало заботящихся о продолжении рода. Однако, Австралия – особая страна, и, пожалуй, наиболее досадная причина потери женихов для страждующего женского пола – гомосексуализм.

Сидней, 2011 год. Фото автора.

Криминальная, правовая, нравственная или даже семейная проблема для всего мира в Австралии решена навсегда: гомосексуализм не только нормален, но даже хорош. Посвятив эту главу женщинам, хочу подчеркнуть, что геи, как принято называть однополые пары, не только мужчины, и что «продвинутые» гомосексуальные австралийки борются за свои права не хуже мужчин. Хорошим примером является современная лезбиянка, федеральный министр Австралии Пенни Вонг, которая открыто представила своего партнера – женщину и защищает права сексуальных меньшинств своим примером. Еще совсем немного, и, используя последнюю карту в предвыборной игре, следующий премьер-министр страны наверняка объявит однополые браки *де-юре*, что наконец выдвинет Австралию вперед по сравнению с «застойным» правительством американской Калифорнии, которое вновь запретило гомосексуальные браки. Официально 18% молодых, здоровых, образованных мужчин Австралии гордо именуют себя геями, значительно уменьшая базу потенциальных женихов, в поисках которых сюда приезжают незадачливые россиянки. Стоит предполагать, что вместе со скрытыми геями «голубые» мужчины «зеленого континента» могут составлять до 30% мужского населения страны. Не смотря на бесконечные выдумки об экзотическом континенте, я никогда не слышал счастливых историй о русских «золушках», и поэтому не очень удивился, когда узнал, что никаких успешных браков с австралийскими миллионерами у русских просто не было. Единственно на что могут рассчитывать искательницы заморского счастья – это брак со «второсортным» женихом англо-саксом, от которого отказались разборчивые азиатки, или с австралийцем с не очень австралийским происхождением и фамилией. Более сложным вариантом счастья в стране «оззи» является сценарий, когда русская дама въезжает в страну с мужчиной любого другого происхождения и становится его женой на месте, правда, при этом проблем по адаптации в местной обстановке может быть несравненно больше. Как бы там ни было, но в ХХI веке Австралия вряд ли является хорошим местом для поиска простого семейного счастья, и вероятно, женихов искать следует поискать где-нибудь еще. Возвращаясь к общей женской теме, следует признать, что традиционный имидж австралийки весьма привлекателен. Если плакатный «оззи» все же изображается «при исполнении» обязанностей фермера или рабочего, то от юной, загорелой обитательницы солнечного пляжа вряд ли следует ожидать трудового ажиотажа. Вероятнее всего, австралийская дама будет максимально раздета, дабы символическое бикини, чудом держащееся на причинных местах, не скрывало загара, а лучезарная улыбка и темные очки вряд ли свидетельствуют о производственных проблемах. Примитивный подход к социальной роли женщин в обществе исторически оправдан, т.к. женщины в английской и австралийской истории никогда не работали и посвящали себя только семье и удовольствиям. Подобный плакатный имидж упорно поддерживается туристической индустрией страны, второй статьей экспорта после продажи натуральных ресурсов. Туристический бизнес, в первую очередь направленный на Китай и Японию, понятно, изображает Австралию «белой» страной, без малейшего намека на разрекламированный на местном уровне, «мультикультуризм». Азиаты в первую очередь хотят видеть континент огромной незаселенной территорией с глуповатым «белым» населением, а агитки внутренней австралийской пропаганды с неперемными лицами всех рас и платками мусульман могут резко отбить охоту туристов тратить деньги на дорогостоящий тур.

Спорная фраза Лары Бингл в знаменитой телерекламе продолжает использоваться в прессе. 2000-е годы. По материалам Интернета.

История восемнадцатилетней Лары Бингл – продукт шоу-бизнеса, однако, многое в ней типично для современной Австралии. Молодая крашеная блондинка Лара попала в разряд «суперзвезд» случайно. Начав на каких-то показах мод, голубоглазая заштатная «моделька» неожиданно попала в туристическую телерекламу, спонсированную государством. Как и положено, Австралия изображалась на экране в виде пустынного солнечного пляжа, на котором одиноко бродила загорелая молодая девушка в поисках компании. Никаких особых сенсаций банальная картинка не предполагала, если бы, начинающая звезда Лара Бингл не произнесла с экрана несколько слов. Разговорная английская фраза брошенная с экрана неожиданно вызвала бурный эффект. «Where, bloodyhell, areyou?!» (Где же вы, черт возьми?), вопрошает скужающая пляжница в бикини, что по замыслу создателей клипа должно было подтолкнуть потенциальных азиатских мужчин-туристов на заманчивое путешествие. Использование грубоватого английского выражения давно перестало быть языковым табу в Австралии, однако, поднялся шум в прессе, когда реклама пошла на ТВ в Англии и Америке. Оказывается, пуританские круги англоязычных стран посчитали оскорбительным использование рискованной лексики и запретили рекламу на своих каналах. В азиатских странах, на которые в первую очередь была направлен продвинутый клип, грубости не заметили, то ли, знание языка не позволило им оценить фривольность речи пляжной обитательницы, то ли, им было просто наплевать на дорогостоящие усилия австралийского правительства оживить застоявшийся туристический бизнес страны – второй по величине экспортный продукт страны. Лара Бингл, сама того не ожидая, проснулась однажды звездой. Ее имя стало популярно, она укатила в США на какие-то съемки, а австралийских мужчин гоняли на службе за рассматривание снимков полуобнаженной Лары на офисном компьютере. Громкая свадьба, развод, личные проблемы Лары Бингл, раздутые глупыми дамскими журналами, – все пошло по накатанному сценарию, хотя, нужного американского или английского шума явно не получалось. В ход пошли даже дешевые приемы в стиле Линдси Лохан с приводами в полицию, однако, в Австралии истории с арестами не вызывают симпатии. Отказавшись от роли «плохой девочки», сегодня постаревшая после косметических операций Лара снова появилась на телеэкране в собственном амбициозном проекте «Быть Ларой Бингл», что, вероятно, должно поставить незадачливую австралийскую «звездюльку» в ряд с американками Пэрис Хилтон и Ким Кардашьян.

Исторически роль австралиек в истории континента была весьма ограничена. Еще в 1970-е годы согласно австралийскому закону все женщины немедленно увольнялись с работы в день заключения брака и имели право на трудоустройство только в случае развода или вдовства, поэтому, основная деятельность женщин, помимо семьи и церкви, в основном распространялась на благотворительность в медицине и образовании тех же аборигенов.

Современные стандарты жизни, урбанизация страны и глобализация экономики заставили современных женщин сделать большой шаг вперед и участвовать в общественной и производственной жизни страны. Современная, молодая «оззи» может быть образована, ориентирована на карьеру, и, используя свое происхождение, добиться высоких должностей. Нынешняя премьер-министр Австралии – Джулия Гиллард, своим примером подтолкнула многих феминисток к достижению высоких постов и собственными указами назначила целый ряд женщин на ключевые посты правительства. Надо признать, что наличие в правительственных кругах резонных женских голосов несколько не повысило имидж страны в мире и не улучшило жизни ее граждан. Правительство Дж.Гиллард погрязло в глубоком структурном кризисе с расколом внутри лейбористской партии Австралии, и, вероятнее всего, следующие федеральные выборы оно проиграет либералам. Так, какие же они, современные «белые» австралийки? Простые, вежливые, закрытые, любящие кофе, мобильные телефоны и комфорт, гоняющие на больших машинах и беспощадно жарящиеся под палящим, южным солнцем, многодетные мамы и благообразные пенсионерки, играющие в боулинг на траве, и самые разнообразные по цвету, происхождению и благосостоянию иммигрантки. Потребности современных австралийских женщин постоянно растут, как и везде в мире, что составляет проблемы для их партнеров-мужчин. Генетически молодая австралийка запрограммирована на создание семьи в более позднем, по российским меркам, возрасте. Австралийские браки, нередко очень поздние, не всегда означают случайные союзы, ибо «молодые», вполне возможно, уже прожили вместе пол-жизни. Свадьба, wedding, в Австралии означает не сколько создание семьи с вытекающими последствиями, сколько большое, дорогостоящее мероприятие-шоу, деньги на которое люди зачастую собирают десятилетиями. Еще несколько лет назад среднестатистическая свадьба в Сиднее стоила 42 000 долларов, то сейчас, вероятно, на треть дороже. При жестком семейном бюджете представителей среднего класса, приговоренных на тридцать лет к выплате долга за дом, расходы на свадьбу могут быть весьма ощутимы, поэтому официальный брак некоторые люди заключают только в конце жизни. Австралийские законы признают совместное проживание граждан в состоянии партнерства «де-юре», что практически не отличает их от законных супругов. Вопросы денег, владения землей и недвижимостью, налоговые вопросы, права детей и права наследства несколько не ущемляются, и при традиционной стабильности семейных пар, преимуществ в зарегистрированном браке практически нет. Что же ищет современная жительница континента в своем потенциальном партнере? Как мы знаем, она не собирается всю жизнь горбатиться на работе, и, в первую очередь, заинтересована в стабильном финансовом будущем семьи. Если ваша избранница помешана на историях золушек, то вам вероятнее всего надо иметь на счете тысяч пятьдесят долларов для скромного бракосочетания. В идеале молодые австралийки предпочитают видеть своего партнера перспективным по росту в основном в зарплате, ибо престижности и «кастовости» профессий в Австралии почти нет. Общий доход, (читай – доход работающего главы семьи), должен приближаться к 100 000 долларов в год, что обеспечит выплату достойного дома и полное, пожизненное безделье жены. Подобная финансовая ситуация с исторической индексацией существовала в стране очень долгое время, и лишь сейчас, под давлением инфляции и кризиса, работники-мужчины все чаще «не тянут» возрастающие запросы австралийской семьи. Естественно, крупные, «белые» австралийки предпочитают видеть возле себя достойных по виду и силе мужчин, однако, требований в интимном плане, как ни странно, не выдвигают. В современной Австралии зачатие искусственным путем, IVF, стало, просто, массовым, что свидетельствует о весьма низкой половой активности даже среди молодежи. По статистике одного из исследовательских центров, современные «белые» жительницы континента серьезно отстают в интимной активности от представительниц других развитых стран, и к 45 годам почти полностью забывают о сексе. Трудно судить о причинах такой женской аморфности, но по результатам опросов женщин главной причиной отсутствия интимной жизни является – лень.

Австралийские пляжницы, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Один университет провел интересное исследование местных сайтов знакомств. Оказалось, что привлекательность мужчин по меркам австралиек строго определяется по уровню его дохода и... росту. Эти параметры оказались взаимосвязаны, и исследователи вывели формулу соотношения двух показателей. Для успеха среди местных невест мужчина должен обладать ростом минимум 182 см, при этом снижение роста на каждый сантиметр должно компенсироваться увеличением годового дохода на 5000 долларов. Вот, например, мне, при моем росте в 170 см, надо бы прибавить к годовой зарплате еще 60 000 долларов, чтобы заинтересовать местную

даму. Поскольку вторую работу я не потянул, то от планов счастливого союза с гордой австралийкой пришлось отказаться...

...Историю Линни трудно назвать типичной, однако, все в ней настолько характерно, что я решил о ней рассказать. Тридцатилетняя Линни родилась в обычной австралийской семье рабочего на солнечном берегу возле теплого штата Квинсленд и в детстве мало отличалась от своих сверстниц. Природный талант и мальчишеская внешность не привлекали внимания, и, легко поступив в университет после школы, Линни добросовестно постигала занудный курс медицинской патологии, готовя себя к карьере ученого. Ни развеселая студенческая жизнь, ни университетские обмены в Бразилию и Англию не изменили ее мальчишеского характера и не поменяли ее внешности, в которой все выигрышные части тела были добросовестно скрыты безразмерными майками и мешковатыми штанами. Линни давно жила на свои деньги: ее родители развелись, да, и надеяться на их помощь было незачем. В современной «белой» Австралии родители и дети ведут в основном независимую жизнь на основе финансового невмешательства. Другими словами, Линни, как и многие из ее поколения, в первое время была обречена на весьма скромную жизнь, граничащую с бедностью. Государственный кредит за учебу в университете молодая выпускница платила еще лет шесть, и надежды на главное благосостояние австралийских людей – собственный дом, отодвинулись в будущее. Однако, время шло, и молодая, перспективная сотрудница Австралийской службы крови, столкнулась с проблемой внутри себя. К своему двадцатипятилетию талантливая, интересная австралийка оказалась одна. Объективные карьерные успехи и опыт работы среди многонациональной, разноцветной толпы сотрудников фирмы вряд ли способствовали успехам в личной жизни, и финансовая независимость неплохо оплачиваемого супервайзера Линни была еще далеко. Пришло время объективно оценивать свой путь, и вечная отчужденность отличной студентки и целомудренная замкнутость девушки, из принципа никогда не посещавшей пабы и ночные клубы, дала свои результаты: она была одинока. Вряд ли Линни сделала правильные выводы из своих ошибок молодости – ее внешний вид мало изменился, а поведение не стало более современным по австралийским меркам. Следует предполагать, что внутренние убеждения не позволяли ей объективно взглянуть на себя со стороны, и нам, окружающим ее сотрудникам, оставалось только удивляться, что привлекательная, умная, современная австралийка не пользуется всеми, отведенными ей, радостями жизни. Последующая жизненная история Линни оценивается свидетелями по-разному. Некоторые недоумевают, некоторые стараются понять, а кто-то, просто, с привычным критицизмом австралийской жизни, списывает ее действия на непростительную глупость. Так, неожиданно для всех, на взлете обещающей карьеры, молодой ученый Линни бросила все и не вернулась из своего отпуска в центральной части Камбоджи, оставшись там со своим неожиданным избранником из состава местных... монахов. История там была долгая, с многозначными мнениями, многочисленными взятками всем и вся, (привет России!), и даже муторной процедурой возвращения молодого монаха из неприкосаемого в оранжевой хламиде во вполне обычного азиата в светской одежде. Линни потеряла почти все, однако, проявила твердый характер, и через пару лет вернулась обратно в трудовой коллектив замужней дамой, где заслуженно вернула себе доброе имя и даже выросла в должности. Путь, пройденный Линни, никак не укладывался в обычные рамки. Сейчас у нее есть все, о чем обычно мечтают местные люди: дом, семья, ребенок, работа и большие планы на будущее. Остается лишь один вопрос – зачем ей было нужно жертвовать всем и так далеко ездить, чтобы получить, наконец, обычный «набор» своего человеческого счастья? «На меня никто здесь не обращал внимания..», грустно отвечала Линни, а я только отводил глаза, стараясь не замечать породистую красоту длинноногой, молодой австралийки...

Популярные телешоу 2012 года показывают, что в Австралии женщин больше, чем достаточно. По материалам Интернета.